

АКАДЕМИЯ МАГИИ

МАРИНА ЕФИМИНЮК

НЕИДЕАЛЬНАЯ
ЧАРЛИ ТЭЙР

Марина Владимировна Ефиминюк

Неидеальная Чарли Тэйр

Серия «Академия Магии»

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66612056
Неидеальная Чарли Тэйр: Эксмо; Москва; 2021
ISBN 978-5-04-160074-7*

Аннотация

У дочери королевского посла идеальным должно быть все: произношение, увлечения, репутация и даже душевные порывы. Увы, но моя жизнь – полный бардак! В семнадцать лет я обручилась с другом семьи, а в двадцать – влюбилась по-настоящему... не в жениха.

С парнем из северного Норсента у нас мало общего, но рядом с ним я могу быть собой, неидеальной и с дурным произношением. Да и познакомились мы своеобразно: на празднике в академии я продала ему свой первый поцелуй.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	13
Глава 2	61
Глава 3	87
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Марина Владимировна Ефиминюк Неидеальная Чарли Тэйр

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Ефиминюк М. В., 2021

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2021

Пролог

Связь с реальностью я начала терять сразу после слова «помолвка», а к серьезной фразе «обручальная нить» окончательно перестала соотноситься. Пришлось сосредоточиться на сложнейшей задаче, от чего именно стоит скончаться: от смущения, волнения или огромного счастья, которое просто неспособно уместиться в груди семнадцатилетней девушки и не начать удушья.

– Зная, что ваш сын будет рядом с Шарлоттой, я отпускаю ее в Ос-Арэт со спокойной душой, – сказала мама Чейсам.

– Лилия, он непременно присмотрит за нашей принцессой, – в своей обычной манере прокудахтал Энтон Чейс. – Глаз не спустит! Так ведь, Алекс?

Тяжелые, требовательные интонации в голосе мужчины неприятно резанули слух.

– Конечно, отец, – спокойно согласился Александр и послал моей матери вежливую улыбку. Очевидно, он давно привык, что Чейс-старший давил абсолютно на всех в радиусе трех шагов, как огромная надгробная плита.

Некоторое время мы ели в натянутом молчании, словно все боялись задать вопрос, который витал в воздухе, но никем озвучен не был. Самой смелой оказалась мачеха Алекса. После смены блюд она прихлебнула вино и вежливо спросила, обращаясь к моим родителям:

– Что ж, когда случится счастливое событие? Когда проведем ритуал и дети завяжут обручальную нить, а мы породнимся?

За столом возникла пауза. Кажется, даже лакеи, расставляющие чистые тарелки, на мгновение замерли, ожидая ответа.

Родители переглянулись.

– Торопиться некуда, – проговорил папа. – Шарлотте только семнадцать. Она никогда не жила самостоятельно. Стоит дожидаться двадцатого дня рождения.

– Три года? – удивился Энтон Чейс, и весьма неприятно, чего не пытался скрыть хотя бы из вежливости. – Не долго ли?

– Что скажешь, дочь? – спросил отец.

Неожиданно абсолютно все взрослые посмотрели на меня. В панике, ища подсказку, я обернулась к Алексу. С непроницаемым видом тот разглядывал нетронутую изысканную закуску на фарфоровой тарелке. Помогать с правильным ответом никто не торопился, а мозги по-прежнему отказывались выходить из коматозного состояния.

– Я не знаю, как лучше поступить, – вынужденно призналась родителям.

Неожиданно Алекс поднял пронзительно-синие глаза и пригвоздил меня к мягкой спинке стула острым, как шило, взглядом.

– Не хочешь помолвки, Шарлотта?

Стоило взять секундную паузу и мысленно примерить роль невесты: не жмет ли, не болтается или, может, сидит как влитая. Но я боялась, что очнусь от причудливого сна, не успев дать согласие, и страшно расстроюсь.

– Хочу! – выпалила со рвением, совершенно недостойным воспитанной девушки. – Хоть через неделю!

Я точно провалила экзамен на адекватность и наконец-то решила, что правильнее издохнуть от неловкости, чем лопнуть от счастья. Это было второе по важности решение после согласия нестись под свадебную арку, не расплетая кос и не меняя платья.

На выразительное лицо Александра набежала тень досады, но он быстро запихал чувства в зад... за пазуху и сделал глубокий глоток вина.

– Видишь, Гатри, – с улыбкой обратилась мама к отцу. – Если дети хотят завязать нить, не вижу смысла противиться и тянуть. Все равно мы не станем проводить брачный обряд раньше, чем Шарлотта окончит Ос-Арэт. Высшее образование в приоритете. Согласны, Энтон?

Энтон Чейс как раз считал обратное, о чем не раз высказывался в самой резкой манере, но спорить не стал:

– Конечно, вы правы, Лилия.

Высшее образование в магической академии, платье за ужином, непринужденная надменность – мама считала, что в ее дочери все должно быть идеальным, как в ней. Наплевать, что дара мне досталось чуть больше чем с гулькин нос и в

Ос-Арэте я собиралась изучать не заклятия высшей магии, как все нормальные студенты, а древние языки. Идеально для бездарного отпрыска знаменитого королевского посла! Все как любит мама.

Впрочем, для печали причин не было. Если судить по конкурсу эссе, нас таких, бездарностей благородных кровей, оказалось немало. Даже перебор, учитывая, что я только чудом не провалила испытание.

– Превосходно! На следующей неделе проведем обряд обручения! – решил абсолютно за всех Энтон Чейс и поднял бокал, как-то разом превратив обычный ужин в праздничный. – Ты рад, сын?

– Я в восторге, – ответил тот таким ровным голосом, что ровнее только мраморные полы в холле нашего особняка.

Неожиданно я почувствовала, что начинаю задыхаться от фантазий о семейной жизни, а еще немножко – от духоты в столовой, и страшно обрадовалась, когда нас с Алексом выставили на улицу подышать свежим воздухом. Если он хотел остаться за столом, а не нарезать круги по засыпанным мелким гравием садовым дорожкам, то вида не подал. Поднялся, вкрадчивым жестом указал на раскрытые двустворчатые двери.

Мы вышли в неловком молчании и некоторое время тащились по украшенному фонариками саду. Каблуки увязали в злосчастном гравии, приходилось слегка балансировать руками, чтобы не потерять равновесие. Я не отказалась бы

от поддержки, но Алекс не торопился помогать в этой принудительно-добровольной прогулке.

Вдруг он резко остановился, и я едва не наскочила на широкую спину, подчеркнутую пиджаком модного кроя. Испуганно отпрянув, принялась нервно теревать ленты на платье.

В прошлом мы пару раз оставались наедине, но после того как слова «помолвка» и «обручальная нить» были произнесены, как связующие заклęcia черной магии, казалось, все полностью изменилось. Теперь Алекс смотрел мне в глаза, а не над левым плечом, словно за спиной, даже если я стояла на фоне каменной стены, всегда было что-то поинтереснее раздражающей Чарли Тэйр.

– Ты действительно хочешь обручение через неделю? – вдруг спросил он с ледяными интонациями. – Не понимаешь, почему твой отец предложил повременить?

Рядом с Александром Чейсом я всегда испытывала ощутимые проблемы с речью и умственными способностями. Уверена, он считал меня непроходимой тупицей и занозой в зад... пальце. Но больше тупицей.

– А? – естественно, блеснула я умением формулировать мысли и облекать их в умные фразы.

В его лице проявилась злость. Он начал стремительно и неизбежно наступать, заставляя меня пятиться. Я вовсе не боялась Алекса! Просто не ожидала, что он захочет сузить расстояние между нами, обычно такое же широкое, как большой каньон Шай-Эра. Отходила и отходила, пока не упер-

лась спиной в шершавый ствол старой яблони. Приложились сильно, ойкнула от неожиданности. От удара на голову и за шиворот посыпалась труха.

Александр резко склонился, фактически касаясь горячими губами моих пересохших губ. От его дыхания пахло вином. Глаза казались практически черными.

– Какого дьявола ты не отказалась от обручения, маленькая идиотка? – зло прошипел он. – Хочешь, чтобы я на тебе женился?

– Ты знаешь о моих чувствах, – беспомощно проблеяла я, словно извиняясь, что не считала идею выйти замуж за неприкасаемого Александра Чейса паршивой. – Я люблю тебя!

Он выпрямился, сунул руки в карманы, посмотрел на меня с убийственным высокомерием.

– Что? – Уголок красивого рта дернулся в издевательской усмешке.

– Люблю! Я... тебя...

Боже, я уже ненавидела себя за неуместное порывистое признание и хотела затолкать его обратно в глотку, желатель-но вместе с языком.

– Я должен тебя поблагодарить? Спасибо, – насмешливо и надменно проговорил он, словно на паперти бросил монетку нищему. – Давай-ка мы договоримся, дорогая Шарлотта. Раз ты мечтаешь побыть моей невестой до окончания учебы – побудь, но на многое не рассчитывай. Я как-нибудь по-

терплю тебя на семейных приемах, но не собираюсь с тобой ни возиться, ни нянчиться. И уж тем более не планирую жениться. Это ясно?

Я судорожно кивнула, потому как от потрясения просто-напросто оказалась неспособна говорить.

– Ты неплохая, Шарлотта, даже если совершенно мне не нравишься. Просто постарайся оставаться очень, очень незаметной, моя милая ужасная невеста. – Александр аккуратно заправил мне за ухо золотистый локон, вообще-то выпущенный нарочно, для красоты. – Не хотелось бы делать тебя глубоко несчастной. Хорошо?

Он развернулся и энергичным шагом направился к дому, под его ногами зашелестел гравий. Я судорожно прижала к груди ладонь и перевела дыхание, вдруг осознав, что чуть не свалилась в обморок от нехватки воздуха. Или все-таки от ошеломления? Колени предательски дрожали и подгибались. На травку под яблоней, что ли, лечь и немножко прийти в себя?

Однажды после очередной безобразной сцены, устроенной Алексом на приеме родителей, его мачеха Ирэна деликатно назвала пасынка «эмоционально незрелым». И плеснула в свою чашку с кофе приличную порцию коньяка. Сейчас мне открылось печальное знание, которое я собиралась, как знамя, пронести через всю жизнь...

Незрелыми в нашем саду были только сливы и яблоки, а Александр Чейс являлся полным, безнадежным, закончен-

ным придурком!

Глава 1

Принцесса продает поцелуй

Не то чтобы я ждала чудес на новогоднем балу в академии, но на такой *душераздирающий* сюрприз тоже не рассчитывала... Под праздничной аркой из еловых ветвей Алекс открыто целовался с девушкой в скромном платье. Для человека, еще в карете беспрерывно ворчавшего, как его раздражают детские танцульки, он неплохо проводил время, гораздо лучше меня. Вдохновенно, эффектно и с огоньком.

Вернее, с огоньками. С еловых ветвей на них с той студенткой сыпались серебристые снежинки, вуалью окутывали стройные фигуры, слившиеся в объятиях. Пространство искрило, вспыхивало в свете магических ламп. Красивая сцена, словно сворованная со страниц книги...

К сожалению, во всех любовных романах, что мне довелось прочесть, у главного мужского персонажа обязательно имелась навязанная семьей невеста. Будь эта девица трижды неплохим человеком, ее в равной степени ненавидели и герой, и автор, и читатели. В истории Александра Чейса, звездного выпускника Ос-Арэта, бесящей невестой-дурой была я.

Увы.

Мне оставалось в полной разладице с собой и со здравым смыслом гипнотизировать парочку под новогодней аркой и

игнорировать неуместную мысль, что неугодных невест на людях не целовали. За закрытыми дверьми, в дальнем уголке и в темноте, впрочем, тоже. Никто и никогда! Жених – по понятной причине плохой переносимости, способной свести его в могилу. Другие парни – из страха огрести неприятности. Мы не девушки – ведьмы, пробуждающие в мужчинах древнейший инстинкт! К сожалению, не охотника и защитника, а самосохранения.

– Выскочка Эридан совсем свихнулась! – со злым смешком проговорила Гвендолен, считаящая себя даже не королевой, а хозяйкой академии. Наверное, справедливо, потому что ректор приходился ей родным дядькой.

– Что Александр в ней нашел? Она же стипендиатка и зубрила! – поддакнула подружка Гвендолен.

– Хуже только какая-нибудь северянка! – решительно согласилась другая.

Все верно, если хотите подружиться с ректорской племянницей, обругайте северян! В начале учебного года в Ос-Ар-эт по обмену приехала дюжина студентов из Норсента. С первородного языка название их королевства переводилось как «северный полуостров». Просто, без фантазии и изысков. Зато они сами простыми отнюдь не были. Кричаще не походили на нас, держались отстраненно и холодно, словно в своем Норсенте отморозили доброжелательность и хорошие манеры.

Парни носили длинные волосы, наверное, чтобы не замер-

зять в родных холодах, и у всех в шевелюрах были вкрапления тонких разноцветных прядей, светившихся на солнце. Говорили, их цвет зависел от стихии, которой подчинялся дар, но спрашивать об этом напрямую считалось неприличным. Вернее, очень личным, почти интимным. Никто же не спрашивает у девушек размер верхнего обхвата, за такое нахальство можно и по физиономии получить. В случае с магией у северян происходила похожая история.

Осенью мне пришлось переводить азрийский манускрипт в паре с северянкой Рэдмин. Я так отчаянно старалась не тарашиться на огненно-рыжие полосы в ее темной шевелюре, что в итоге все время тарашилась. Она не осталась в долгу и без стеснения рассмотрела горящую у меня под кожей обрубальную нить.

– Было больно завязывать? – громко спросила она, наплевав, что в библиотеке можно разговаривать только уважительным шепотом, а еще лучше – языком жестов. И уж точно не стоило осквернять резковатым северным акцентом святую тишину этого храма старинных фолиантов! В трети из них рассказывалось о большой магической войне с Норсентом, случившейся чуть больше века назад.

– Да, – неожиданно для себя призналась я, не отрывая взгляда от словаря.

– Говорят, это дурная примета, – добавила она, видимо, из любопытства посмотреть на мою реакцию.

– Люди вообще часто говорят чушь. – Я дернула плечом

и кивнула: – Ты будешь переводить свою часть или мне все сделать самой?..

Голос ректорской племянницы вернул меня в реальность, на шумный бал, где Алекс выкинул очередной фортель.

– Слышала, парни с факультета высшей магии снова на кого-то поспорили, – злословила она. – Уверена, Александр целует эту голодранку ради выигрыша!

– Думаете, собирается соблазнить?! – с восторгом подхватила одна из ее подружек. Странно, как не взвизгнула.

И что-то – прости господи! – так задрали дурацкими сплетнями...

– Эй! Гвендолен! – резко окликнула я, не в силах слушать скудоумное перешептывание.

Она как ни в чем не бывало обернулась и даже состроила удивленный вид, будто только-только меня заметила.

– Что тебе, Шарлотта?

– Перестань нести в мир чушь и займись своими делами, – посоветовала я. – У тебя их всегда очень много.

Лед в моем голосе можно было дробить в крошево и раскладывать по небьющимся бокалам, в которых на балу подавали дрянной сладкий пунш. Его пили только непуганные первокурсники. Третий год пошел, как я по незнанию попробовала, и до сих пор вспоминаю с содроганием.

– Мне кажется, я сейчас как раз занимаюсь своими делами, – ехидно улыбнулась Гвендолен.

– Выходит, ты считала себя подружкой Алекса, а он забыл

сказать, что вы расстались? Может, записку прислал, но ты пропустила? – не обращая внимания на то, что она пошла красными пятнами, продолжала я. – Почтовую шкатулку с утра проверила?

– Не пойму, Тэйр, тебе нравится наблюдать, как жених целует голь подзаборную?

– Целуй он тебя, все было бы в порядке? – задала я резонный вопрос. – Так?

– Между прочим, я за тебя переживаю, а ты всегда ведешь себя, как змеюка подколотная! – обиделась Гвендолен.

– Стараюсь, девочки, вам соответствовать, – улыбнулась я одними губами.

Вообще-то, с первородного языка Ос-Арэт переводилось как «змеиная башня», и название прекрасно отражало внутреннее содержание.

– Не язык, а жало! – выругалась Гвендолен и, оскорбленная до глубины души, повернулась ко мне смелым вырезом на спине, а к подругам – расшитым жемчугом фасадом.

Началось бурное обсуждение, но до меня не доносилось ни слова – сплетницы закрылись пологом тишины. Владей я подобным заклятием, спряталась бы в собственный кокон и от души выругалась. Природа наградила меня талантом к изучению языков, но сильно обделила магическими способностями. Унизительное интимное представление Алекса приходилось переживать с непринужденной надменностью в лице и без единого бранного словечка. Именно они, порто-

вые ругательства, застряли в горле горьким комом, а вовсе не слезы. Знаю точно!

А парочка между тем нашла в себе силы прервать бесконечно-бесконтрольный поцелуй и теперь зачарованно смотрела глаза в глаза. Они не замечали ни зрителей, ни шумной музыки, ни – понятное дело! – невесты, нервно мнущейся в сторонке, и вдруг вновь качнулись навстречу друг другу. Оказалось, что это был не конец, а только антракт перед вторым актом!

– Да вы издеваетесь... – пробормотала я себе под нос.

Надо было что-то делать, чтобы не выглядеть измученной сироткой. Вернее, несчастной измученной сироткой. Для начала – повернулась к новогодней арке затылком и с самым независимым видом направилась в бальный зал. Пусть все думают, что у меня там свидание.

Из раскрытых дверей неслась известная мелодия из музыкального спектакля, второй сезон подряд собирающего аншлаги в королевском театре. Виднелась высоченная елка, украшенная мерцающей алой звездой и иллюзорными горящими свечами, по виду совершенно не отличимыми от настоящих. Вокруг нее танцевали пары.

Если пересечь этот зал, то можно выйти на главную лестницу, по случаю праздника застеленную зеленым ковром, а оттуда спуститься в холл и незаметно дернуть домой. В экипаже Алекса... Он как-нибудь найдет способ добраться до родового поместья посреди ночи. Очень морозной ночи!

Уверена, в Ос-Арэте никогда таких холодов не видели. Похоже, северяне привезли вместе с собой из Норсента. И не верилось, что зима задержалась за Крушвейской скалистой грядой и пришла всего пару-тройку недель назад.

Задумавшись, я едва не врезалась в одного из этих «очень морозных» людей. Перед самым носом вырос камзол цвета темного кофе с золотым шитьем на лацканах. Едва успела затормозить. Он пах чем-то льдистым, строгим и очень приятным. Не камзол, а его владелец.

Я кивнула с вежливой улыбкой и обошла препятствие по дуге. Парню следовало изобразить фонарный столб, но неожиданно он оказался подвижен и вдруг сжал мой локоть: – Чарли!

Не знаю, что из случившегося поразило больше всего. Имя, которым меня называли только очень близкие друзья, но никогда – собственный жених? Сексуальный голос с едва уловимым акцентом, растягивающий гласные в этом имени? Или же мурашки, возникшие от прикосновения теплых мужских пальцев, аккуратно, но между тем уверенно сжимающих руку в том месте, где заканчивалась длинная перчатка.

Нас представляли в день приезда северян в Ос-Арэт, когда я проводила экскурсию по замку, но его имя давным-давно выветрилось из головы. Парень не выглядел мощным, как некоторые из его земляков, однако за счет роста и разворота плеч заставлял чувствовать себя хрупкой. В темных волосах, опрятно открывающих лицо, виднелись тонкие светлые

приди. Взглядом я невольно зацепилась за маленький золотой шарик, вставленный в свод правого уха, и только потом посмотрела в светло-карие глаза. Теплые и внимательные.

Неожиданно в голову пришла мысль, что северянин не шелохнулся, пока я его разглядывала. Подобным образом ведут себя с настороженными котятами, чтобы не испугать до паралича хвоста. Хвоста у меня не было, а паралич от удивления едва не случился.

– Потанцуй со мной, – произнес он и без лишних намеков отпустил мою руку.

– Я не танцую.

– И все же... – в обволакивающем голосе вдруг появились властные интонации.

Я немедленно вздернула подбородок, приготовившись – так сказать – источать надменность, но в разноцветной толпе краем глаза заметила элегантный черный смокинг Алекса и выпалила:

– Чудно! Будем танцевать!

Честное слово, лучше плясать под елкой с парнем из Норсента – в смысле, возле елки, – чем наблюдать, как жених с высокомерной миной и большой помпой ведет на танцевальный паркет свое новое увлечение. Пусть видит, что я тоже веселюсь!

– Идем уже веселиться?

Господи, я сказала это вслух...

Уголки чувственного рта у парня дернулись и поползли

вверх, но улыбка так и не появилась.

– В смысле, пока еще музыка играет, – выкрутилась я, хотя было очевидно, что на балах играли, что называется, до последнего танцора.

– Раз ты боишься, что нам не хватит музыки...

Как будто небрежно он положил на мою поясницу ладонь и увлек к раскрытым дверям бальной залы. Я так остро ощущала его руку, что с трудом сдерживалась, чтобы не выгнуться.

Едва мы добрались до танцевальной площадки, аккуратно лавируя среди кружащих людей, как мелодия оборвалась, и зал мигом превратился в гудящий рой. На нас действительно не хватило музыки! Это было настолько нелепо, что захотелось истерично хихикнуть. Останавливало лишь то, что я никогда и ни при каких обстоятельствах не хихикала.

Приглашенный небольшой оркестр, спрятанный на балконе второго этажа, взял паузу. На стенах начали разгораться магические светильники. В ожидании следующего танца рассыпались пары, пространство наполнилось светом, а мы остались стоять у всех на виду возле праздничной елки. Надо было продержаться пару минуточек в неудобном молчании, но плясать с человеком, имя которого никак не можешь выудить из головы, казалось неловким.

– Я не помню, как тебя зовут, – сама от себя не ожидая, призналась я.

– Даже не сомневался, принцесса, – ответил он на языке

центрального Норсента, произнеся прозвище «принцесса» с такой непередаваемой интонацией, что захотелось огрызнуться на портово-сапожном диалекте. Остановил языковой барьер, впрочем, быстро исчезающий при нужном градусе раздражения.

– Ты же в курсе, что я тебя понимаю? – сухо спросила я.

– Конечно.

В его глазах плескался смех. Подозреваю, что разница в возрасте у нас была года три, как с Алексом, но меня не покидало ощущение, будто парень с северного полуострова старше на две жизни.

– Ноэль Коэн, – представился он.

– Шарлотта, – зачем-то ответила я и поспешно добавила: – Тэйр.

– Помню.

Раз высокомерие на него не действовало, оставалось начальное дружелюбие, презируемое северянами:

– В таком случае пожмем руки?

– Не утруждайся хорошими манерами, – хмыкнул он. – Они тебе и так поперек горла.

Ноэль оказался прав настолько, что невольно напрашивался вопрос:

– Ты что, за мной наблюдал?

– Тебя подводит умение держать лицо.

– Неужели?

– Сейчас тоже.

Только собралась выдать колкую фразу и почти ее придумала, как с балкона хлынула незнакомая бархатная мелодия. С изумлением я поняла, что сделала головокружительный разворот на цыпочках и оказалась ловко пойманной то ли в объятия, то ли в капкан.

Ноэль танцевал вообще не по канону! К таким хореографическим вывертам не готовят ни жизнь, ни учитель танцев, ни мама, любящая следить за уроками и придираяться к любой мелочи. Он двигался медленно, держался на ничтожном расстоянии и смотрел исключительно на меня, а не расточал скучающие взгляды по сторонам или на девушек рядом, как это обычно делал Алекс. От непривычки, что партнер всем телом и каждым мельчайшим жестом давал понять, что сосредоточен на мне, а не на мысли, как сбежать к подавальщику за бокалом с крепким спиртным, захотелось одновременно моргать, дергать глазом и кусать губы. Такое разнообразие нервных тиков, растеряться недолго!

Пока я разбиралась в собственной душевной организации и пыталась ее обратно переорганизовать, паршивая действительность вернулась. Ноэль поднял голову. Взгляд нацелился на кого-то за моей спиной и мгновенно заledenел. Следующая фраза разодрала в клочья хрупкое волшебство момента:

– Ты сегодня одна? Без своего... *сопроводителя*.

– Жениха, – с прохладцей поправила я, решив, что он забыл, как это слово произносится на шай-эрском.

Недолго музыка играла! В смысле, меланхоличная мело-

дия по-прежнему лилась со стороны балкона, но все встало на свои места. Мы неизбежно заговорили об Александре. Программу обмена студентами с Норсентом курировал его отец, и, видимо, северянин чего-то хотел от моего будущего свекра или вообще от обоих Чейсов.

– Ты здесь без него? – с нажимом повторил Ноэль.

– С ним, – вздохнула я, мысленно поклявшись, что теперь точно навсегда разочаруюсь во всех мужчинах, кроме папы, и никому не дам шанса притвориться приличным человеком. – Александр сейчас очень занят.

– Настолько, что не знает о споре? – Его акцент стал заметнее, речь звучала резче.

Перед мысленным взором вновь возник страстный поцелуй под новогодней аркой, омытый дождем из серебристых блесток. Увидела как наяву, во всех красках и подробностях, а ведь только-только удалось изгнать образ из сознания!

– Полагаю, он знает, – сухо вымолвила я.

– И твоему *сопроводителю* плевать, что парни спорят на деньги, кто из них этим вечером... – Ноэль запнулся, словно подбирал слова помягче, – соблазнит девушку, с которой он обручен?

До меня мгновенно дошел смысл сказанного, но от замешательства на некоторое время пропал дар речи. Даже к лучшему, ведь ответить вежливо все равно не удалось бы. Однажды Алекс заявил, что не собирается со мной нянчиться, и эти годы именно так он поступал, демонстрируя потрясаю-

щую верность собственному слову. Даже сегодня предпочел устроить собственное представление для взрослых, нежели остановить абсурдный спор.

Мама говорила, что в любой ситуации леди следует красиво улыбаться, но у меня теория вечно расходилась с практикой. Фальшивая улыбка красивой не удавалась. Вот и сейчас криво растянула губы, легла, как пристроченная.

– Сколько сегодня за меня дают?

– Сорок динаров, – не моргнув глазом, ответил Ноэль.

– Оказывается, я дорого стою, – мрачно пошутила я. – Говорят, на других ставки были поменьше.

Неожиданно стало ясно, что мы замерли на месте и мешали остальным парам перемещаться по танцевальной площадке. Ладонь Ноэля по-прежнему лежала на моей спине, я все еще цеплялась за его широкое крепкое плечо и чувствовала под пальцами гладкую дорогую ткань сюртука. Следовало расцепить руки, отойти на шаг, но ни один из нас не пошевелился.

– И что, Ноэль Коэн, ты решил победить в этом споре?

– Нет.

– Вера не позволяет быть азартным? – съязвила я, хотя нападать на северянина было сродни тому, как рубить голову гонцу с дурной вестью. В общем, ужасно глупо.

– Я не делаю ставок на девушек, – спокойно ответил он.

– Если ты проходишь мимо, то для чего вмешался? – спросила я. – Не то чтобы я не могла сама за себя постоять, про-

сто любопытно.

Он что-то ответил на родном языке, однако использовал совершенно незнакомые речевые обороты. Вообще-то, в Норсенте существовало около десяти разных диалектов, слишком много для небольшого полуострова, но нам преподавали лишь тот, на котором говорила королевская семья, простой и текучий. Это никак не мешало мне говорить с чудовищным акцентом и пропускать половину предлогов.

– Переведи, – потребовала я.

– Не выношу, когда унижают принцесс.

– Ты ведь сказал что-то другое, – не поверила я.

– Если не уверена, то стоит попытаться и выяснить, – не стал отпираться он, но и не подтвердил догадку.

– Мне не настолько интересно, чтобы бежать за словарем.

Мы пытливо смотрели в глаза и, наверное, со стороны напоминали Алекса с той стипендиаткой. Оставалось разве что качнуться навстречу.

Музыка между тем неохотно заканчивалась: сначала долго стихала, потом ударила последними звенящими нотами, и наступила тишина. Разом вспыхнули магические лампы, на свечах, украшающих новогоднее дерево, вытянулись иллюзорные язычки пламени.

– Спасибо за танец. – Ноэль опустил руки и отступил.

Мы сухо попрощались, и я даже успела промаршировать к выходу, когда в сознании всплыла четкая и острая мысль. Обычно на людях Алекс старался вести себя осмотрительно,

и я терпеливо ждала, когда он осознает, как сильно во мне нуждался. Похоже, он больше не хотел стараться, а меня до смерти задрало ждать.

Я окинула шумный зал быстрым взглядом, пытаясь в толпе отыскать фигуру в коричневом сюртуке. Ноэль успел исчезнуть из поля зрения, и его пришлось искать. Недолго, правда. Компания северян обнаружилась возле злосчастной новогодней арки. Вообще, их было сложно не заметить: все как на подбор – высокого роста, атлетически сложенные и одеты пусть дорого, но не по здешней моде. Еще они обладали особенным талантом, находясь в шумной толпе, подчеркнуто держаться особняком.

Ноэль заметил меня издалека и, не выпуская из вида, наблюдал за решительным возвращением. Знаю, что некоторые тушуются под чужим пристальным взглядом, не понимают, куда деть руки, и в коленях будто появляются шарниры, но в меня с детства вбили умение гордо нести себя миру. Наверное, со стороны выглядело так, будто пигалица-блондинка вдруг снизошла до нежеланных на балу гостей из Норсента.

– Добрый вечер, – чопорно поздоровалась я. Оставалось только книксен сделать. Уверена, учитель этикета пришел бы в полный восторг от идеальных манер, но Ноэль с друзьями не особенно оценили. Снижать градус неловкости он не торопился. Наоборот, вопросительно изогнул бровь, не понимая, что, собственно, мне понадобилось.

– Мы можем поговорить? – Я окинула его друзей-здоровяков быстрым взглядом. – Вдвоем.

Остаться наедине в грохочущем музыкой, смехом и головами коридоре было невозможно, мы просто отошли к слепому окну. В стеклах отражался свет, а теперь и наши фигуры, чуточку размытые, похожие на призраки и как будто не совсем реальные.

Неожиданно вспомнился декабрьский вечер, когда в Ос-Арэте наконец-то пошел первый снег. Тогда в пустом коридоре сквозь полуслепое окно мы с Ноэлем следили за плавным падением белых хлопьев, напоминающих перья из ангельских крыльев. Точнее, я следила за долгожданным снегопадом, призванным укрыть обнаженную и незащищенную перед морозами землю, а он, видимо, насмотревшись на снег еще в Норсенте, в оконном отражении смотрел на меня. Изучал так пристально и сосредоточенно, что становилось неловко. Просто тот случай затерся в памяти суетой экзаменационной декады.

– Можешь поставить полог? – попросила я.

Секундой позже мы словно оказались в глухой закрытой комнате с прозрачными стенами.

– Говори, – кивнул Ноэль.

– Давай ты соблазнишь меня...

Лицо северянина окаменело, но на горле нервно дернулся кадык. Наверное, такую реакцию можно было считать нечеловеческим удивлением.

– Не по-настоящему, конечно! – быстро оговорила я и, неизбежно начиная краснеть, коротко рассказала план: – Просто притворимся. Ты меня... кхм... поцелуешь. Мы заберем деньги и поделим пополам.

– На булавки не хватает, принцесса? – как-то слишком нехорошо для хорошей затеи усмехнулся Ноэль.

– Булавки нынче очень дорогие, – согласилась я. – Так что скажешь?

– Нет, – без тени сомнений отказался он от чести стать первым мужчиной, который меня поцелует.

За двадцать динаров, прошу заметить! По-моему, весьма достойное предложение.

– Почему? Боишься последствий? Не хочешь связываться со мной из-за Алекса Чейса? Тебе не нравлюсь именно я? Даже за деньги?! – выпалила вопросы на одном дыхании.

– Нет, – снова повторил Ноэль, стараясь подавить ироничную улыбку. Точно ироничную! Она отражалась в светло-карих глазах.

– Господи, ты всегда такой многословный?

– Я не волнуюсь из-за последствий, и мне точно нет дела до твоего парня, – мирно пояснил он, нарочито избегая называть Алекса тем, кем он являлся на самом деле: паршивым женихом из поучительной сказки для юных девушек, не умеющих держать фантазии в узде. – А ты?

– Я осознаю последствия этого предложения и готова к ним, – стараясь говорить спокойно, ведь размеренность при-

давала словам вес, произнесла я. – Понимаю, что люди будут судачить, но в Ос-Арэте все время о ком-нибудь злословят. Сплетней больше, сплетней меньше. Через неделю начнутся каникулы, а после них случится какой-нибудь грандиозный скандал и о новогоднем бале вообще никто не вспомнит. Что до Алекса – он никак не отреагирует. У нас... партнерские отношения.

Все-таки выбор слов имеет значение! Как ловко удалось описать то, что жениху на меня начхать, не прикрываясь батистовым платочком.

– Но ты все равно очень хочешь досадить этому своему партнеру, – сделал совершенно правильный вывод Ноэль.

Я уже упоминала, что он казался старше меня не на три года, а на две жизни? Наверняка на северном полуострове души людей хранили в глиняных горшках, а потом раздавали новорожденным со всем багажом знаний. Конечно, никогда о таком не слышала, но другого объяснения с лету придумать не удалось.

– Дело даже не в Алексе... Я бешусь от одной мысли, что кто-то посмел на меня сделать ставку! Если не отберу у них все деньги, то взорвусь от злости. Я имею право на моральную компенсацию! – нахально заявила я, а потом, чтобы быть справедливой, добавила с меньшим пафосом: – Хотя ты прав, Алексу тоже хочется досадить.

– Убедила, – совершенно неожиданно сдался Ноэль.
Полог спал, нас вновь обступили звуки праздника.

– Кстати, – понизив голос и приблизившись к нему на шаг, вымолвила я заговорщицким тоном, – если нужны доказательства, то мы можем подняться к тебе в общежитие. Или я отдам ключ от своей комнаты в пансионе. Этого ведь будет достаточно?

– Как ты попадешь домой без ключа? – кажется, искренне заинтересовался Ноэль.

– У меня есть запасной.

– Да ты все продумала! – издевательски протянул он.

– Пойдем под арку? – кивнула я в сторону пустующей новгородней арки.

Вообще-то, по традиции считалось, что она исполняла желания. Если встать под еловые ветви и душевно попросить высшие силы помочь, то в течение года загаданное обязательно случалось. Или нет, как обычно происходило у меня. Возможно, стоило пожелать что-то другое, а не традиционное «хочу, чтобы Алекс в меня влюбился».

– Зачем? – вопросом на вопрос ответил Ноэль.

– Там нас все увидят.

– Здесь тоже неплохо видно.

Без предупреждений самоуверенным жестом он взял меня за подбородок и заставил поднять голову. Онемев от паники, я зажмурилась, невольно сжала кулаки. В голове пронеслась испуганная мысль, что прямо сейчас меня впервые поцелует мужчина! Из обычного человека я превратилась в звонкую натянутую струну, приготовилась к поцелую... Но

ничего не произошло.

Я открыла глаза. Ноэль с интересом разглядывал мое пылающее лицо.

– Ты будешь что-нибудь делать или я поехала домой?

– Расслабься, принцесса, – улыбнулся он и в следующий момент прижался приоткрытыми мягкими губами к моему напряженному рту.

Короткий поцелуй, длившийся не больше пары секунд, показался таким самоуверенным, что у меня перехватило дыхание и споткнулось сердце – все сразу. Напоследок Ноэль, дразня, провел кончиком языка по моим по-прежнему сжатым губам, словно запечатывая их для чужих поцелуев, и отстранился.

Сама не понимаю, отчего испытывала такое потрясение и смущение. Щеки пылали, губы горели, будто их натерли жгучим перцем. Сердце колотилось, как взбесившееся, а в такт ему в голове стучала дурацкая мысль, что у меня случился первый в жизни поцелуй.

Не с Алексом Чейсом.

За деньги.

Проклятие!

– Эй? – тихо позвал Ноэль, заглядывая мне в лицо.

– Все отлично! – выпалила я и, освобождаясь, аккуратно отвела его руку. – Ты очень хорошо целуешься.

– Находишь? – усмехнулся он.

Господи, что я несу? Интересно, я теперь всегда буду ле-

петать чушь после поцелуев с мужчиной или можно надеяться, что это временное помутнение рассудка, вызванное неопытностью?

– Давай отдам тебе ключ от пансиона, – быстро проговорила я. – В смысле, от комнаты в пансионе.

– Решила ко мне не подниматься? – любезно уточнил он.

– Пожалуй, ограничимся ключом.

Стараясь не встречаться с ним взглядом, я полезла в болтающуюся на золотой цепочке бальную сумочку и принялась в ней ковыряться, пытаясь вытащить из-под девчачьей ерунды резной ключ.

– Чарли...

Неожиданно большая теплая ладонь накрыла мои нервные руки, вынуждая прекратить суетливое копошение. Я подняла голову, наверняка пунцовой физиономией сливаясь с красной портьерой на окне.

– Что?

– Не торопись, – попросил Ноэль. – Хочешь что-нибудь?

Еще немножечко поцелуев. От души благодарю.

Честное слово, когда он спрашивал, настойчиво и будто бы заботливо, так сильно хотелось... предложить второй акт, что я предпочла вообще не открывать рот и многозначительно промолчать. «Многозначительно», естественно, только у себя в голове.

– Отвратительный пунш, кислую воду с лимоном, – принялся перечислять он, – бренди, карету и тихо сбежать до-

мой?

Удивительно, но от дружеского подтрунивания нервозность как рукой сняло.

– Вода с лимоном была бы кстати, – послала облегченную улыбку.

– Хорошо, – кивнул он. – Подождешь меня минуту?

– Конечно.

Невольно я проследила за Ноэлем, направляющимся в сторону столовой, где были накрыты столы с угощениями и напитками. Он двигался свободно и уверенно, вынуждал людей расступаться, а не лавировал в толпе, пытаясь избежать столкновения. В этом они с Алексом даже были похожи.

Мысль о женихе так неприятно резанула, что я вернулась в реальность и наконец ощутила обступающие со всех сторон любопытные взгляды. Северяне тоже посматривали. Вдруг один из парней, блондин с выбритыми висками, отсалютовал маленькой кожаной фляжкой и, не сводя с меня оценивающего взгляда, сделал глоток.

Ноэль прав: необязательно забираться под новогоднюю арку, чтобы оказаться в центре внимания. Уверена, что без лишних плясок и обмена ключами вся академия решит, будто меня удалось соблазнить ровнехонько в коридоре за красной портьерой. Или в сплетнях окажется, что мы соблюли приличия и закрылись в кабинете высшей магии, где творили разные бесчинства, помимо самой высшей магии. Наверняка обнаружатся свидетели соращения, своими глаза-

ми разврата не видевшие, но слышавшие подробности от кого-нибудь честного и достойного всяческого доверия.

Осознавая, что была о себе слишком хорошего мнения, когда считала, будто способна пережить последствия публичного лобзания с северянином, я поступила как настоящая девчонка: на минуточку решительно сбежала в дамскую комнату. Правда, в женском убежище, куда уходили, чтобы избавиться от бардака на голове и в голове, оказалось едва ли не многолюднее, чем в коридоре. Чужие разговоры очищающей мысли медитации ничуть не способствовали.

С независимым видом я подошла к длинной каменной столешнице с десятком небольших углублений-раковин. Стянула надоевшие перчатки, опустила руки в чашу, немедленно наполнившуюся чуть тепленькой водой. Под прозрачной толщей на запястье издевательски ярко светилась обручальная нить...

– Тэйр! – позвала меня одна из однокурсниц.

С баночкой карминового блеска в руках она смотрела на меня через отражение в зеркале. Накрашена у нее была только нижняя губа.

– Что? – спросила я и убрала руки из чаши, отчего та начала стремительно пустеть.

– Слышала, Алекс Чейс целовался со стипендиаткой.

– Завидуешь?

– А должна? – дерзко ответила она.

– Не знаю, – пожала плечами. – Ты мне скажи.

С презрительным видом я схватила с каменной столешницы намокшие перчатки, вышла из уборной и обнаружила у противоположной стены Ноэля, сложившего руки на груди. Было очевидно, что вряд ли он дожидался, когда дамская комната освободится от – так сказать – дам, чтобы нырнуть в кабинку.

Я пересекла коридор и остановилась на расстоянии вытянутой руки, не вторгаясь в его личное пространство и не позволяя нарушить свое.

– Ты меня не дождалась, – резюмировал Ноэль.

– И теперь ты меня преследуешь?

Понятия не имею, почему из сумятицы мыслей выловила самую странную.

– Это было бы по-настоящему жутко, принцесса, – отозвался он, вновь перейдя на насмешливый тон, и протянул на ладони кожаный кошель с перевязанной шнурком горловиной. – Держи.

Я оглянулась через плечо, проверяя, не таращатся ли на нас, но коридор на удивление был пуст, а дверь дамской комнаты не шелохнулась.

– Что это?

– Твоя моральная компенсация, – пояснил Ноэль. – Парни решили, что были неправы, когда сделали ставки, и просто отдали тебе всю сумму.

– Ты у них отобрал, что ли?!

– Решил, на сегодня с тебя достаточно потрясений, – лов-

ко уклонившись от объяснений, сказал он.

– Оставь их себе, – после паузы предложила я.

– То есть ты уже досадила жениху. Цель достигнута?

Впервые используя слово «жених», Ноэль бросил остро-режущий взгляд на мою руку с серебряной нитью, и я подавила дурацкое желание сцепить пальцы за спиной или же нехитро натянуть промокшие перчатки.

– Просто мы с тобой договорились их поделить. Я отдаю свою часть... – беспомощно попыталась оправдаться.

– Не знаю, как у шай-эрцев, принцесса, у нас чаевые принято оставлять только лакеям и подавальщикам, а я себя ни к тем, ни к другим не причисляю. – Он вложил тяжелый кошелек мне в руку. – Купи своему жениху какой-нибудь дорогой подарок. Не знаю... коробку галькоу? Счастливой смены времен.

Его слова беспрерывно крутились в голове, когда я возвращалась в пансион в карете Алекса, между делом «забыв» самого Алекса в замке. В середине осени перед магическим турниром я привезла из столицы коробку шариков галькоу, редкого природного энергетика. Снадобье стоило баснословных денег, способных даже маму, потомственную транжиру, привести в нервный трепет, но жених прилюдно отказался от подарка, и коробка в сердцах полетела в мусорную корзину на глазах у команды по боевой магии.

Услышать из уст северянина намек на обидный эпизод оказалось неожиданно неприятным. Разозлившись, я швыр-

нула кошель на подоконник, но на полпути к выходу – в смысле, через жалкий десяток шагов – во мне проснулся куркуль. Я вернулась и забрала деньги, решив все, вплоть до последнего сантима, отдать на благотворительность. Зря, что ли, продала первый поцелуй? Но пока туда-сюда металась за динарами, умудрилась посеять бальные перчатки и на себе проверила поговорку, утверждающую, что золотые монеты даже в трескучий мороз греют озябшие руки. Ничего подобного! Народные изречения врут хуже анекдотических небылиц.

Ночью я снова в самых причудливых формах переживала события, случившиеся на празднике. Мы с Ноэлем, одетые в исподнее, целовались посреди пустой танцевальной площадки. Неожиданно из-за праздничной ели выскочил Алекс с горящими ревностью глазами и желанием свернуть северянину шею. Мне, наверное, тоже. Однако узнать, чем закончилось дело, не удалось. Из реальности в замечательный сон проник насквозь простуженный, но смутно знакомый женский голос:

– Чарли Тэйр, немедленно поднимайся!

Следом с меня сдернули одеяло.

– Я проспала экзамен?!

В панике я подскочила на кровати, как-то разом вспомнила, что экзамен по северному диалекту только в понедельник, и наконец обнаружила Зою Терри, застывшую в изножье кровати.

Как истинная отличница факультета бытовой магии до Нового года подруга успела абсолютно все: успешно закрыть экзаменационную декаду, смотаться с однокурсницами на каток и подхватить горловую жабу, из-за которой и пропустила вчерашнее веселье. Кудри у Зои торчали в разные стороны, горло было перемотано платком в цветочек, а руки воинственно уперты в бока. Для больной, еще вчера порывавшейся написать завещание на конспекты по теории заклятий, она выглядела исключительно живенько.

– Кто ты, восставший после лихорадки демон, и куда ты дел мою любимую подругу? – недовольно буркнула я.

– То есть, Чарли Тэйр, ты не отрицаешь, что мы подружки? – Голос у нее скрипел, как несмазанные шестерни. Хотя, пожалуй, даже хуже.

– Если за сегодняшнее утро ничего не поменялось, – согласилась я.

– Тогда почему я узнаю от Хлои, что вчера ты целовалась с умопомрачительным северянином?!

– Кто такая Хлоя? – Я моргнула, хотя больше заинтересовалась тем, каким образом подружка на одном дыхании произнесла слово «умопомрачительный» и не оговорилась.

– С кем именно из северян ты целовалась, вопроса не возникает? – прищурилась она и указала в меня пальцем: – Из чего я делаю вывод, что это правда!

– Господи, да ты по утрам гений дедукции! – растирая лицо ладонями, проворчала я.

Официально заявляю, что подобные разговоры с человеком, пережившим резкое пробуждение, следует приравнять к жестоким преступлениям.

– Я в гневе, что грандиозную новость принесли какие-то академические сплетницы, заглянувшие к нам на завтрак! – возмущалась Зои, рискуя сорвать едва-едва обретенный голос. – Что тебе помешало рассказать об этом вчера ночью?

– Ты спала, – напомнила я.

– А сегодня утром? У тебя было целое утро!

– Спала я.

– Справедливо, – поутихла подруга.

Неожиданно в комнату заглянула Вербена Вествуд, черноволосая, остроглазая студентка из комнаты в конце коридора.

– Зои, ты почему не в кровати? – строгим голосом спросила она и тут же без особых церемоний обратилась ко мне: – Так что, Чарли, у тебя роман с горячим северянином?

– Нет! – открестилась я от любых романтических притязаний. – Мы просто...

Взгляд невольно упал на секретер, где на стопке учебников и словарей лежал кожаный кошель, полный золотых динаров.

– Они просто целовались на глазах у половины Ос-Арэта, – просипела Зои.

– А я-то надеялась, что он познакомит нас со своими приятелями и мы устроим тройное свидание. – Вербена печаль-

но вздохнула и указала Зои: – Отправляйся в кровать и прими настойку, которую я тебе вчера принесла!

Вообще-то, она училась на зверомага и лучше всего разбиралась в лечении домашних химер и крупного рогатого скота (в прямом смысле слова, а не парней). Однако в прошлом году ей каким-то чудом удалось избавить мадам Прудо от приступа подагры, и Вербена уверовала в собственные силы... С тех пор мы боялись даже чихать, чтобы случайно не навлечь на свою голову и прочие здоровые части тела целительницу животных с неумным энтузиазмом самопальной знахарки.

– Целитель запретил мне пить непроверенные самодельные снадобья, – соврала Зои исключительно из чувства самосохранения. – Сказал, у меня очень слабое здоровье.

– Какое же оно непроверенное? – оскорбилась Вербена. – Оно на мадам Прудо проверено! И, между прочим, спасло ее...

Хотелось добавить «спасибо, господи боже», но из чувства справедливости и чуточку от беспокойства за здоровье Зои я напомнила:

– Спасло от приступа подагры.

– Моя настойка помогает от всех болезней! – отрезала создательница подозрительного снадобья.

– Она ее втирала в ногу!

– Вот и Зои пусть вотрет! – сердито велела она. – Снаружи!

– Ты сказала пить, – жалобно просипела несчастная больная, испуганно схватившись за перевязанное горло.

– Перепутала... С целителями такое иногда случается. – Вербена пожала плечами, скрылась в коридоре и оттуда крикнула: – Зои Терри, отправляйся в постель!

Та действительно решила вернуться к себе и даже предприняла отчаянную попытку выйти за дверь, но не пожалела остатков голоса и объявила:

– Я так тобой горжусь, Чарли!

– За публичный поцелуй? – усомнилась я.

– За то, что он был не с Алексом Чейсом! Надеюсь, теперь этот твой же-ни-шок будет кусать локти!

В прошлом году Зои посещала собрания клуба брошенных невест, хотя сама ни разу в жизни ни с кем не встречалась. Через пару недель она с умным видом заявила, что в Алекса я влюблена только по привычке. Раз чувства ненастоящие, то боль от них тоже фантомная. Мне искренне нравилась теория, но она не объяснила, почему от фальшивой боли с души воротило ничуть не меньше, чем от реальной.

После нашествия любопытных подружек спать расхотелось. Я обвела комнату унылым взглядом. В спальне царил настоящий бардак: бальное платье свисало со спинки плюшевого кресла и совершенно не гармонировало с бутылочно-зеленым цветом обивки. Туфли валялись на сером шерстяном ковре, шелковые чулки растянулись тут же. Один был прилично, вернее, неприлично погрызен...

– Прикончу, сволочь! – выругалась я на домовика, вско-чила с кровати, но в домашние туфли ногами не попала, а встала на ледяной пол. – Тварь ты блохастая!

Справедливо говоря, к домашним духам, умеющим принимать вид всевозможной мелкой живности, блохи не прилипали, но в детстве именно так нянюшка называла матушкину химеру, на пару лет застрявшую в форме визгливого пуделя. Сейчас я знала бранные словечки позабористее, а в то время ругательство «тварь блохастая» казалось самым грязным из всех возможных.

Потом химера превратилась в беззубую змею и уползла. Все были в шоке: избавиться от разноликой домашней зверюшки было весьма проблематично, но с моей родительницей не смогла жить даже магическая тварь. Когда мама начинала вычитывать мораль, мне тоже хотелось превратиться во что-нибудь юркое и уползти.

Ругаясь сквозь зубы, я опустилась на колени и глянула под кровать. На тапочках сидел облезлый дымчатый кот с круглыми, совсем не кошачьими ушами и недобро щурил единственный желтый глаз (второй был затянут бельмом). Покрысиному голый хвост нервно ходил туда-сюда. Казалось, домовик никак не мог решить, кем хотел обратиться: кошкой или мышкой, а потому выбрал нечто среднее. В общем, уши были чудны, а хвост – ужасен.

– Отдай тапки, паршивец! – буркнула я.

Кот широко раскрыл пасть, продемонстрировав един-

ственный верхний клык, и зашипел. Абсолютно беззвучно. Материальную форму духи принимать умели, но с музыкальным сопровождением возникала загвоздка: они все были немые как рыбы.

– То есть не отдашь? Тогда... подавись!

Связываться с нечистью себе дороже. Разозлится и прольет чернила на какой-нибудь очень нужный учебник! Я поднялась с колен, отряхнула ладони и босиком пошлепала в ванную.

– Только платье не дери! – прежде чем закрыться, попросила у домовика. – Вернусь и уберу его в шкаф!

Ножки стульев в моей комнате давным-давно были оплетены красными нитями и даже завязаны бантиками для красоты. Нормальной нечистью этот жест принимался за искреннее извинение жильца, но у нас дух был с характером. В смысле, с придурью. Постоянно являл лик страшного крысokота, что-нибудь в назидание портил и плевать хотел, что горничные по выходным не проводили уборку. Полагаю, домовик давно впал в старческий маразм, особняку-то почти полвека!

Все спальни здесь были обставлены одинаково и без излишнего изыска: добротная мебель, ширма, однотонные обивки. В особенно сильные морозы теплые жилы в старых стенах начинали стыть, становилось прохладно, как сейчас, но зато в просторных комнатах имелись отдельные ванны, а у меня еще был камин с чугунной решеткой и кочергой.

Иногда, когда Алекс выкидывал какой-нибудь фортель, а его отец с приторной улыбкой напоминал, что невеста обязана принимать, прощать и прикрывать причуды взбрыкнувшего жениха, я в красках представляла, как этой замечательной кочергой колочу фамильный сервиз в родовом поместье Чейсов. Упоительная фантазия!

Приведя себя в порядок и убрав платье в стенной шкаф, я спустилась вниз. Оказалось, что сплетни о моих вчерашних приключениях взбудоражили весь пансион. Наверное, до мадам Прудо тоже дошли, но она не успела спуститься с третьего этажа и призвать меня к ответу. Даже повариха, принеся в давно опустевшую столовую завтрак, поглядывала с хитрецей, словно ждала, когда между овсяной кашей и черным кофе с сырным гренком я расскажу пикантные подробности о прилюдном лобзании. А в большой гостиной немедленно наступила восторженная тишина, стоило пройти мимо распахнутых настежь двустворчатых дверей. Самое интересное, что ни одна из соседок, кроме Зои, само собой, не училась в Ос-Арэте, но все были в курсе последних сплетен академии, словно учились.

– Не стесняйтесь, продолжайте! – поднимаясь к себе, крикнула с лестницы. – Мне уже ничего не слышно!

Запершись на ключ, я уселась готовиться к экзамену и попыталась отрешиться, так сказать, от мира с полуостровом Норсент в целом и с отдельным северянином в частности, но возникла проблема... Сдавать мне предстояло северный

диалект. В общем, я сразу была обречена.

Через полчаса бесполезной зубрежки обнаружилось еще одно своеобразное последствие вчерашнего поцелуя: абсолютно все фразы проговаривались в голове сексуальным мужским голосом с затаенной хрипотцой, принадлежащим Ноэлю Коэну. Может, подруги были не так далеки от истины, когда называли северянина «умопомрачительным»? Прежде я никогда не страдала слуховыми галлюцинациями. Но, главное, голос будил в памяти воспоминания о поцелуе, и из головы мгновенно вытеснялось все несущественное! Экзаметационные темы в том числе.

– Проклятие!

В сердцах отшвырнув карандаш, я откинулась на спинку стула и сердито посмотрела на дурацкий кошель, по-прежнему лежащий на стопке учебников.

– Хорошо! Победил!

Несмотря на адский мороз, я начала собираться в благотворительную будку, стоящую на площади в трех кварталах от пансиона. Конечно, можно было отправить деньги через семейного поверенного, но не хотелось потом отвечать на вопросы мамы, а она непременно нападет в самый неожиданный момент и попытается выяснить, откуда родом такая крупная сумма, если она не была снята с моего счета в королевском монетном дворе.

– Ты куда? – выглянула из-за дверей своей спальни Зои, обязанная лежать в кровати и вдохновенно выздоравливать,

а не шататься по особняку и устраивать эпидемию горловой жабы.

– Сейчас вернусь, – бросила я, на ходу застегивая теплое пальто с опушкой.

– Купи мне орешков в соленой обсыпке, – попросила она.

– Тебе нельзя, у тебя горло болит, – натягивая перчатки, напомнила я.

– Тогда джема из крыжовника и бутылочку сиропа из шиповника, – передумала подруга.

– Поможешь подготовиться к экзамену? – немедленно попросила я.

Зои прекрасно говорила на северном диалекте. У нее язык Ноэля Коэна был первым и единственным иностранным, а не четвертым, как у меня.

В жизни не подумала бы, что застряну, не добравшись до конца «золотой пятерки», обязательной для королевских переводчиков, но диалект вставал колом и никак не усваивался.

– Нет, – с милейшей улыбкой покачала она кудрявой головой. – Я болею. Не хочу тебя заразить.

К сожалению, зимой чем ярче солнце, тем крепче морозы. Ужасная дисгармония! Выскакивая на улицу, я подсознательно ожидала весеннего тепла, но нос и щеки, что естественно, обожгло острым холодом. Под ногами хрустел снег, от дыхания шел пар, а от яркости и прозрачности света поначалу темнело в глазах. Удивительно, как успела вытянуть

руку и толкнуть кованую калитку, а не войти в нее лбом.

Круглая благотворительная будка была сплошь обклеена объявлениями. На что только люди не собирали деньги! Глаза буквально разбегались. На самом верху даже висела рукописная просьба от театрального городского клуба собрать денег на костюмы для январской постановки. Уголок листа, где после закрытия будки появлялась собранная сумма, оставался девственно-чистым.

– Кому собираетесь жертвовать? – сварливо поглядывая из маленького окошка, спросила сидящая в будке тетушка.

Деньги я разделила между сиротскими приютами, а в дарителях указала имя Ноэля Коэна из выпускного курса академии Ос-Арэт.

Когда забирала расписки с поблескивающими магическими печатями, не удержалась и спросила:

– Тетушка, а что же, театральному клубу никто не жертвует?

– Холодно, – буркнула она. – Люди дома перед каминами сидят, а не по этим разным театрам шастают.

Я вытащила из ридикюля кошелек, достала монетку в пятьдесят сантимов и подвинула пальцем:

– На костюмы. Даритель тот же.

Избавившись от денег, я и впрямь почувствовала себя лучше. На радостях, что теперь думаю только о северном диалекте, а не о парне, на нем говорящем, в продуктовой лавке так засмотрелась на длинноволосого мужчину, чем-то

напоминающего Ноэля, что забыла, какой джем попросила купить Зои, и взяла наугад из крыжовника. На морозе память вернулась, и я мысленно поблагодарила бога, что угадала правильно, ведь в вопросах вкусовости подружка превращалась в кармическую сестру Чейса-старшего. В смысле, виртуозно выковыривала мозг чайной ложечкой.

В общем, радовалась я очень сильно. Недолго, правда. Стоило подняться по обледенелым ступенькам особняка и под перезвон колокольчика зайти в холл, как из салона высыпали девчонки во главе с Вербеной.

– Посыльный из академии принес. – Подруга протянула деревянный ящичек с нетронутой сургучной печатью и забрала у меня звякнувший баночками бумажный пакет. – Покажешь, что внутри? Мы умираем от любопытства.

– Уверена, Шарлотте прислали цветы в стеклянном шаре или шоколад! – с мечтательным видом протянула одна из соседок.

Пока я стягивала перчатки, расстегивала пальто и вскрывала пломбу, они делились предположениями и практически поспорили на деньги, что именно прислали. Внутри лежали мои бальные перчатки, потерянные в коридоре академии. Поверх небрежно бросили сложенный надвое листик белой мелованной бумаги.

«Ты забыла. Не благодари. Н. К.», – было написано твердым мужским почерком. При взгляде на мелкие литеры без красивостей сердце вдруг сильно-сильно ударило в ребра...

– Посыльный уже ушел? – быстро спросила я, сунув ящичек Вербене.

– В кухне размораживается, – кивнула она и с любопытством заглянула под крышку: – Ой, девочки, такое разочарование! Здесь только перчатки.

– Новые?

– Уже поношенные, – донеслось до меня.

Курьер из Ос-Арэта, по всей видимости, студент-первокурсник, прихлебывал из большой дымящейся чашки травяной чай и отогревался в тепле, ароматно пахнущем мясным бульоном с кореньями.

– Передашь кое-что отправителю? – быстро спросила у парня. – Я оплачу.

Как назло, от невиданных морозов в самописном пере замерзли незамерзающие чернила, так что написать на конверте с расписками о пожертвованиях аккуратно и разборчиво, чтобы не вызвать у получателя ехидной улыбочки, конечно, не удалось. «Ты теперь благодетель. Не благодари. Ч. Т.», – кое-как накарябала я и вручила посыльному вместе с мелкой монеткой.

Казалось, Ноэль должен был прислать какую-нибудь записку в ответ на нахальное послание, но он промолчал.

В понедельник утром я встала спокойная, сосредоточенная и полностью готовая не посрамить уважаемый род королевских послов Тэйр дополнительной пересдачей никому, кроме северян, не нужного диалекта. Боевому настрою

безусловно способствовала выпитая настойка боярышника. Еще от нее же чуточку гудела голова. Наверное, пятая порция в три часа ночи оказалась лишней. Зато я почти не дрогнула, когда засветилась золотистым цветом почтовая шкатулка, принявшая с утра пораньше послание.

В неурочное время, когда за окном еще разливалась темнота и до рассвета оставалось не меньше получаса, писать могла только мама. У нее-то, в восточном королевстве Эл-Бланс, куда полтора года назад его величество отправил отца королевским послом, уже прошел второй завтрак, а значит, наступило время рассылать письма. В первую очередь дорогой дочери, наверняка не способной выжить без материнского наставления. Не удивлюсь, если мама, находясь в трех порталных переходах от Ос-Арэта, уже успела узнать о пятничном бале...

Без особого желания я откинула крышку шкатулки. На устланном алой тканью дне покоился черный бархатный конверт с гербом нашей семьи. Внутри лежал ровный квадрат письма, педантично скрепленный свежей сургучной печатью. Мама всегда отправляла послания по всем правилам, словно им предстояло преодолеть путь в пару месяцев, а не в пару секунд. Почерк у нее был каллиграфический. Понятия не имею, сколько ей в детстве пришлось попортить писчей бумаги, чтобы добиться такой ровности литер, но мне сидение над прописью не помогло. Я писала разборчиво, но до идеала, по мнению матушки, конечно, не дотягивала.

«Наша любимая дочь! – Она всегда начинала с большим пафосом. – Мы с твоим отцом желаем тебе удачи на сегодняшнем экзамене!»

Конец. Если родительница пожелала удачи, то бог громко расхохотался и сделал так, чтобы только удача могла спасти меня от провала. Как правило, не спасала.

Откровенно сказать, у меня имелась личная дурная примета: день, начинающийся с послания от мамы – не важно, что именно в нем было написано, возможно, просто рассказано о тропических ливнях Эл-Бланса, – обязательно шел наперекосяк. Примета действовала всегда, даже если письмо проигнорировать.

– Мне конец.

С обреченным вздохом сложив страничку, я сунула в кожаный портфель конспекты и, заперев комнату, спустилась вниз. В холле возле двери, словно его не пустили в гостиную и заставили отираться у порога, с равнодушным видом стоял Алекс.

Он разглядывал черно-белые ромбы на полу у себя под ногами. Из-под дорогого кашемирового пальто был виден форменный пиджак. Услышав шаги на скрипучей деревянной лестнице, неожиданный визитер поднял голову и одарил меня колючим взглядом.

Внезапно я поняла, что за выходные ни разу о нем не вспомнила. Даже не задалась вопросом, как он добрался пятничной ночью до поместья. И эта мысль изумила сильнее,

чем его появление с утра пораньше в пансионе мадам Прудо.

Вцепившись в перила, я остановилась на ступеньках и резко спросила:

– Что ты здесь делаешь?

– Доброе утро, Шарлотта, – в ответ очень вежливо поздоровался он.

– Ах, да... Здравствуй, Александр, – кивнула я, отдавая дань манерам. – Почему ты здесь?

Если он был удивлен приемом, то вида не подал и спокойно объяснил:

– Ехал в академию на тренировку и подумал, что стоит тебя подвезти на экзамен. На улице очень холодно.

Только Чейс-старший был способен заставить сына сделать крюк, чтобы забрать невесту из дома и не обмороженной довести до академии.

– Твой отец приехал в город? – вырвалось у меня.

– Писал, что будет в среду.

С большим недоверием я нахмурилась. Он же не решил выбросить меня на подъеме к Ос-Арэту, чтобы продемонстрировать, каково было добираться по морозу из академии в поместье?

– Шевелись, Шарлотта! Иначе опоздаешь, – привычно-недовольным тоном скомандовал Алекс и открыл входную дверь.

Под истеричный звон колокольчика в холл хлынул сквозняк и пахло ледяным холодом. Действительно, стоило по-

торопиться, чтобы не выстудить первый этаж. Иначе разозлится не только домовик, маниакально любящий тепло, но и все жилички старого особняка.

– Ладно, – кивнула я, быстро сбегая по лестнице. – Спасибо, что заехал.

Мы ехали в принужденном молчании, глядя на светлеющий город в разные окна. Оставив позади проснувшиеся улицы, экипаж повернул под указатель в сторону замка Ос-Арэт и начал подниматься в гору. Если бы Алекс захотел меня высадить, то пришлось бы по холоду, глотая ледяной ветер, добрые полчаса карабкаться вверх по заснеженной дороге... Зато точно не замерзнешь. Наверное, даже согреешься.

– Слышал, Шарлотта, что ты хорошо провела время в пятницу, – вдруг в тишине, разбавленной лишь стуком колес, сухо вымолвил Алекс.

Внутри екнуло. Он *поэтому* сегодня явился? Решил обсудить бал?

Я медленно повернула голову. С непроницаемым видом он продолжал смотреть в почти замерзшее окно, словно действительно мог в нем что-то разглядеть.

– А я *видела*, как ты чудесно проводил время в пятницу, – парировала в ответ.

Алекс повернулся. В седых предрассветных сумерках замкнутое лицо терялось в тени.

– И как, Шарлотта, тебе понравилось целоваться с северя-

нином? – с ледяной интонацией вымолвил он.

– Да, – не отводя взгляда, спокойно ответила я. – Сравнить, конечно, не с чем, но, по-моему, было очень неплохо... А тебе понравилось с той девушкой? Не запомнила, как ее зовут.

В синих глазах собеседника появилось напряжение. На лице заходили желваки. Держать драматически длинные паузы мне никогда не хватало характера.

Молчание я прервала первой. Говорила без издевки, но, полагаю, Алекс посчитал иначе:

– Не стоило упоминать ее? Не злись. Это от удивления, что ты заговорил о Ноэле.

– Ты называешь его по имени? – Губы жениха дернулись в нехорошей усмешке.

– А ты предполагал, что я обращаюсь к нему «северянин»? – сыронизировала я. – Кстати, как ты добрался до дома?

– Как видишь, благополучно, – отрывисто бросил он и вновь отвернулся к окну, за которым уже тянулась замковая стена Ос-Арэта.

Момент, когда карета вкатил в раскрытые ворота академии, можно назвать историческим в жизни Шарлотты Марии Тэйр! Внезапно пришло осознание, что за эти бесконечные выходные меня перестала трогать реакция собственного жениха на наш поцелуй с Ноэлем. Что мне до его эмоций? Я в своих-то полностью запуталась.

Жизнь в академии начиналась рано, а во время экзаменационной декады вообще не останавливалась. Над площадью перед главным входом уже погасла вспыхивающая с наступлением темноты световая сеть, на парадной лестнице под колпаками из мутной слюды медленно угасали магические огни. Сновали студенты, громыхали частные экипажи и академические омнибусы, курсирующие между замком и городом.

Экипаж остановился. Кучер услужливо открыл дверь, впустив в согретый заклитием салон холод и грохот площади.

– Хорошего дня, Алекс, – по привычке пожелала я и, подхватив с сиденья портфель, выбралась на мостовую.

– Шарлотта! – вдруг позвал он.

Я обернулась:

– Что?

– Как, по-твоему, я должен... Нет, ничего. – Словно его задерживали насильно, он поморщился и помахал рукой, то ли предлагая мне отправляться на экзамен, то ли требуя от кучера поторопиться и отвезти его в восточное крыло, где находились залы для атлетических и магических тренировок.

– И тебе удачи на экзамене, Алекс, – не удержалась от шпильки.

– У меня нет сегодня экзаменов, – отозвался он.

– Знаю.

На мгновение мы встретились глазами. Разрывая зрительный контакт, я развернулась и пошла к парадным дверям. Стрелки больших круглых часов на башне факультета бытовой магии приближались к восьми утра, и замок приготовился к трубному громогласному бою, частенько слышному даже у подножия горы.

Входя в огромный холл с высоченным потолком, я ждала тех самых последствий, о которых говорил Ноэль. Мысленно представляла, как народ, разом замолчав, резко повернется и начнет восторженно шептаться, со всей страстью осуждая прилюдные лобзания. В реальности на меня никто не обратил внимания, не заметил появления и даже не обернулся. Видимо, за выходные новость перестала быть горячей и все о ней думать забыли.

Даже в гардеробной, любимом месте для встреч академических сплетников, куда пришлось заглянуть, чтобы отдать пальто заботам замковых домовых, до меня никому не было никакого дела. Облегчение, правда, долго испытывать не пришлось. Когда я поднялась по лестнице, устланной зеленым ковром, меня бесцеремонно окликнули:

– Тэйр!

Невольно оглянулась, хотя следовало бы не заметить крика. Возле перил стояла компания незнакомых парней в форменных пиджаках с гербом факультета высшей магии на нагрудном кармане.

– Подойди, – повелительным кивком скомандовали мне.

Хорошо, не щелкнули пальцами, как подавальщице из придорожной таверны.

Выгнув бровь, я изобразила крайнюю степень недоумения, которое действительно испытывала, и развернулась, намереваясь прибавить шаг, чтобы не опоздать на экзамен.

– Шарлотта! Да постой ты! – Неожиданно один из представителей «цвета факультета высшей магии» вспомнил мое имя и обрел подвижность, на удивление ловко догнав, перегнав и даже преградив путь.

– Говори, – сдалась я. – Только быстро. У меня через десять минут начинается экзамен.

– Извини. – Он старательно отводил взгляд, смотрел то над моим плечом, то в пол. – За спор. Мы были неправы, что оскорбили тебя.

– Еще как неправы! – на всякий случай согласилась я и, хоть внешне оставалась высокомерно-насмешливой, даже руки на груди скрестила, но мысленно присвистнула. – Если вы решили коллективно извиниться, чтобы получить обратно деньги, то поздно. Ничего не выйдет – они уже потрачены.

– Нет-нет! – Парень вдруг страшно испугался. – Деньги ни при чем! Просто это... скажи ему, что мы искренне извинились и ты простила.

– Кому ему? – не поняла я. – Чейсу?

– При чем здесь Чейс? – теперь уже озадачился он. – Я о Коэне.

Парень быстро оглянулся назад, словно боялся, что Ноэль

появится в коридоре, как проклятый колдун, чье имя не следовало упоминать всуе, чтобы не накликать беды.

– Ноэлю Коэну? – на всякий случай уточнила я. Вдруг в академии учится его однофамилец, ввергший в шок золотую молодежь? Но представитель этой вечно скупающей касты утвердительно кивнул.

– Кхм... – глубокомысленно протянула я. – Хорошо, я скажу ему, что больше не в претензии. Еще что-то?

– Еще раз извини.

– Извинила. Теперь ты подвинешься?

Парень наконец отошел с дороги.

– Удачи на экзамене.

Я заторопилась в лекционную аудиторию, где должен был проходить экзамен, но к началу все равно не успела. Перед закрытой дверью туда-сюда ходили издерганные однокурсники, и на мое появление вновь никто не обратил внимания.

– Канахен спрашивал о тебе, – прошептала староста и с полубезумным видом, не сводя с меня глаз, принялась беззвучно шевелить губами. Видимо, повторяла наизусть вызубренный текст.

Профессор полжизни провел в Норсенте, легко изъяснялся на всех диалектах полуострова и испытывал презрение к каждому, кто оказывался не в состоянии при случайной встрече поздороваться без чудовищного шай-эрского прононса. Особенно если «каждый» – дочь уважаемого королевского посла.

Неожиданно в благопристойной тишине зазвенели возбужденные девичьи голоса. Они стремительно приближались к закрытой аудитории.

– Шарлотта! Ты стоишь тут под дверью и ничегошеньки не знаешь! – с восторгом прострекотала одна из опоздавших однокурсниц. – В центральном холле твой Алекс сцепился с северянином!

Глава 2

Очень неудачное утро

Тишина в холле начала отдавать не нервным напряжением, а нездоровым любопытством. Заинтересовались абсолютно все, и даже староста, прекратившая бубнить под нос неправильные глаголы (или что она беспрестанно повторяла). Никто не хотел пропустить подробности главной сплетни уходящего учебного полугодия. Но, по всей видимости, подробностей имелось не сказать чтобы очень много, поэтому девчонки решили уточнить, отчаянно стараясь остаться в центре внимания:

– Говоря «сцепились»...

– Мне не нужен перевод. Я владею шай-эрским, – холодно перебила сплетницу.

Так и знала: после маминого письма обязательно произойдет какая-нибудь гадость!

Наплевав, что подумают остальные, я зашагала в сторону центрального холла. Поворот, художественная галерея, широко раскрытые двустворчатые двери на балкон. Хотелось сорваться на бег, но принцессы никогда не позволяли себе подхватывать юбки и нестись галопом по дворцам, даже если за ними гналось полчище демонов. Пожалуй, я продемонстрировала самый быстрый и целеустремленный проход по

коридорам за всю историю замка Ос-Арэт!

Выдержка подвела, когда возле статуи основателя академии, местной достопримечательности, я обнаружила целую толпу зевак. Сбежав по лестнице, под шепотки протиснулась между студентами и оказалась в первом ряду. Конфликт был в самом разгаре, но никто не вмешивался. Даже приятели парней не предпринимали попыток остановить драку. Возможно, это считалось хорошим тоном – не влезать, когда кто-то выяснял отношения кулаками.

В воздухе разливалось физически ощутимое напряжение, вокруг словно все искрило. Перекошенный от ярости Алекс держал Ноэля за грудки и теснил к постаменту. Бровь северянина была разбита в кровь, из небрежного пучка выбились пряди волос и сказочно мерцали на свету... Даже мне, мало что смыслящей в драках, было очевидно, что он с высокомерным превосходством позволял себя избивать. Не сопротивлялся, позволял толкать и уродливо натягивать ворот черной атлетической формы. Должно быть, это нежелание отвечать на агрессию бесило Алекса куда сильнее причины, из-за которой он затеял конфликт.

Я подскочила к парням и тихо проговорила:

– Вы двое в своем уме?

Они резко повернули головы.

– Ради всех святых, вы что устроили?! С тобой мы почти незнакомы, – резко высказала Ноэлю и повернулась к жениху: – А ты три года делаешь вид, что не знаешь меня. Вам

даже делить нечего! Разойдитесь!

Северянин перевел взгляд на противника и сжал пальцами его напряженные запястья:

– Довольно, Чейс. Я разрешил себя ударить, потому что ты имел право на этот удар. Теперь все.

Лицо Александра ужесточилось. Левый глаз сократился от нервного тика, заходили желваки.

– Все? – кривовато усмехнулся он. – Делить нам нечего? Если я буду каждому позволять пользоваться тем, что принадлежит мне, что тогда останется?

Он что, сравнил меня с вещью?! Я не верила собственным ушам! И пока я задыхалась от возмущения, мой ужасный жених оказался отброшен мощным ударом на мраморный пол. Приземление вышло жестким: Алекс со стоном выгнулся. Из разбитых губ потекла кровь.

Северяне перехватили его приятелей, бросившихся на подмогу другу. Раздались крики. Народ прыснул в разные стороны, освобождая место для настоящей драки, а я оцепенела, не в силах пошевелиться, и таращилась на парней широко раскрытыми глазами.

Мы трое просто не могли застрять в такой абсурдной ситуации!

Словно в фантастическом, совершенно неправильном сне, с непроницаемым лицом и почерневшими от гнева глазами, Ноэль склонился над противником, схватил его за пиджак и, готовый впечатать в разбитое лицо сжатый кулак, с

силой дернул за затрещавший ворот.

– Бога ради, остановись! – выдавила я.

Северянин замер. Грудь тяжело вздымалась, напряженный кулак дрожал. С ничтожного расстояния через гвалт мне удалось расслышать, что именно он процедил прежде, чем выпрямиться:

– Сейчас я должен валяться на полу, а не ты! – Он еще присовокупил сочное ругательство, но оно не имело перевода на шай-эрский язык, да и леди не к лицу повторять иностранный мат.

Встав на ноги, достаточно ловко для человека, с высоты роста шарахнувшегося хребтом о мраморный пол, Алекс обер разбитый рот, посмотрел на испачканные кровью пальцы...

Справиться со столь чудовищным унижением Александр Чейс, конечно, не сумел. Еще бы! Обычно он укладывал парней на лопатки мощными ударами в челюсть.

– Не надо учить меня жизни, говнюк! – прошипел он, поставил руки и неожиданно для всех призвал силу.

Воздух дрогнул. В центре раскрытых ладоней за клубился черный дым боевого заклятия.

– Ты рехнулся? – вскрикнула я, а мгновением позже оказалась за широкой спиной Ноэля.

Он спрятал меня таким естественным движением, словно каждый божий день прикрывал собой девушек. Я запуталась в собственных ногах, уткнулась носом ему между лопатка-

ми и буквально ощутила, как сильное мужское тело прошла волна магического разряда. Северянин собрался нарушить еще пару десятков правил – хотя, казалось бы, куда уж больше! – и ответить.

– Что здесь происходит?! – грянул откуда-то сверху взбешенный голос.

Нас всех точно бы накрыли тяжелым удушающим одеялом. Из холла исчезла магия, и от тишины, возникшей у меня внутри вместо биения магического пульса, зазвенело в ушах. Невозможность воспользоваться силой, пусть ее и было три капли, нервировала.

– Всем разойтись! – рявкнул все тот же голос.

На сумасшедшую секунду показалось, будто мраморная статуя на постаменте не снесла оскорблений, ожила и принялась распекать злостных нарушителей порядка. И меня заодно, что стала причиной драки. Я зачем-то задрала голову, словно и правда хотела заглянуть в каменное лицо основателя академии и жалобно попросить прощения.

Над головой был высоченный купол с разноцветными витражами, через которые пробивались полосы солнечного света, и никакого склоненного каменного ректора.

А вот живой и очень недовольный декан факультета высшей магии стремительно спускался по лестнице. Он был самым молодым магистром в академии и, если верить слухам, характером обладал отвратительно-кровожадным, как живой мертвец сразу после ритуального воскрешения. Но зом-

би свирепы только после пробуждения, а декан – постоянно.

– Кто не уберется из холла в течение минуты, будет отчислен! – снова рывкнул он и яростно бросил противникам: – Чейс и Коэн, ко мне в кабинет! Милая дама... тоже.

– Господин декан, у меня идет экзамен у профессора Канахена, – быстро проговорила я. – Могу я вернуться? Оценка за этот экзамен...

– Тогда почему вы в центральном холле, а не сдаете азрийский язык? – с насмешкой перебил он.

– Северный диалект, – вырвалось у меня, хотя сейчас педантичность вообще была не к месту. С трудом проглоченная улыбка Ноэля подтверждала это справедливое утверждение лучше любых слов. Но замечание уже вырвалось, и зачихнуть его обратно в глотку было невозможно, даже если очень хотелось.

– Простите? – поперхнулся декан факультета высшей магии.

– Профессор Канахен преподает северный диалект, – договорила я, откровенно сказать, не понимая, какого лысого демона полезла на рожон.

– Милая дама, если вы поторопитесь в мой кабинет, то, возможно, еще успеете сегодня сдать этот свой экзамен.

Он развернулся и стремительным шагом начал пересекать опустевший холл, направляясь к лестнице. Я почувствовала отчаяние.

– Шевелитесь! – скомандовал декан, не оборачиваясь.

Втроем мы стояли в центре круглого помещения перед массивным письменным столом. За спиной декана, сидящего в кресле, сочились полупрозрачным солнечным светом затянутые льдистыми узорами окна. Казалось, над его головой светится золотистый абрис, а на макушке и вовсе горит звезда, как на вершине новогоднего дерева, должно быть, по-прежнему стоящего в бальном зале.

Будучи между противниками, я разделяла их, словно неприступная стена, и обоих выразительно игнорировала.

– Итак, господа, жду от вас объяснений, почему вы нарушили, если я не ошибаюсь, почти два десятка правил, прописанных в уставе факультета? – обведя нас внимательным взглядом, проговорил декан.

Господа, естественно, промолчали.

– А вы, опаздывающая на экзамен? – обратился он ко мне. – Вы понимаете, что за конфликт с применением магии я выставляю с факультета без возможности оправдаться?

Если леди не может избежать унижения, леди встретит его с высоко поднятой головой, источая королевскую надменность.

– Я не являюсь вашей студенткой, господин декан.

– Бытовая магия? – предположил он и снова попал, что называется, пальцем в небо.

– Языковедение, – подсказала я.

– Потрясающе! Госпожа языковед! В драку вы ввязались из-за своего репетитора по северному диалекту? – Он с до-

садой кивнул в сторону Ноэля.

– Господин декан, вы не хуже меня знаете, что девушке ввязываться в мужскую драку – сущее самоубийство. Я просто пыталась... пробудить в ваших подопечных здравый смысл и чувство ответственности.

– В моих подопечных? – ухмыльнулся он, сверкнув темными глазами. – И как? Успешно?

– Определенно, у вас вышло лучше, – сдержанно ответила я.

– Не уверен, что помню, как вас зовут, милая леди, – через паузу проговорил он.

Было чуточку неловко, ведь я тоже понятия не имела, как зовут собеседника... Но его-то портрет, в отличие от моего, висел на стене в центре экспозиции, посвященной преподавательскому составу самого знаменитого факультета Ос-Арэта.

– Шарлотта Тэйр, господин декан, – представилась я.

– Ваша фамилия мне знакома, – заметил он, и внимательный взгляд сначала остановился на Алексе, а потом опустился на мою левую руку, скрытую длинным рукавом с манжетой. – Вы знаете, почему мои... *подопечные* устроили этот непотребный бедлам, госпожа Тэйр?

– У них случилось неудачное утро.

В кабинете повисла пронзительная пауза, и издевательский смешок Ноэля показался особенно громким. Глаза декана нехорошо сузились. Похоже, паршивое утро у нас всех

грозило перерасти в дрянной день, а меня, в довершение к прочему, поджидал отвратительный вечер. Если, конечно, линчеватель не позволит помучить «милую леди» профессору по северному диалекту.

– Вы понимаете, госпожа Тэйр, что я буду вынужден рассказать об этой ситуации вашей деканессе? – пригрозил он.

– Как пожелаете.

Мы оба знали, что жаловаться деканессе Элброд – дело неблагодарное. Даже опасное для душевного спокойствия и целостности нервной системы. Замечательная дама, способная три часа кряду одухотворенно рассуждать об особенностях первородного языка, за пять секунд из состояния божьего одуванчика переходила в состояние злобной ведьмы, способной уничтожить вселенную одним движением брови. Однажды она заставила ректора академии вжать шею в плечи! Я три дня не могла без улыбки вспоминать этот потрясающий в своей абсурдности момент. Но больше всего старушка-деканесса ненавидела, когда кто-то докладывал, что студенты-языковеды нарушили устав! Она полагала, будто все пытаются оговорить невинных жертв, исключительно чтобы отправить ее в отставку по выслуге лет. Свидетельские показания, если что, не учитывались.

– Успеха на экзамене. – Декан дернул головой, отпуская меня на все четыре стороны, вернее, в одну сторону – на пытки к профессору Канахену. – Надеюсь, вы на него все-таки успеете.

Что-то подсказывало, что очередное неискреннее пожелание не добавит удачи, а, наоборот, убавит. Не взглянув на парней, я открыла дверь кабинета и едва не налетела на мужчину в черном. Быстро извинившись, мы неловко разошлись в дверном проеме.

– Добрый день, – поздоровался он с сильным северным акцентом. – Маэтр Коэн...

Обращение, принятое на полуострове, резануло слух. В Норсенте уважительным словом «маэтр» называли мужчин высокого положения. Не знаю, что за положение занимал Ноэль Коэн дома, но дрался он как уличный хулиган и словарный запас бранных ругательств имел весьма характерный.

Преодолевая два корпуса и бесконечные извилистые коридоры, я не питала надежд успеть, но, что называется, повезло запрыгнуть на подножку последнего дилижанса! Возле аудитории я оказалась ровно в тот момент, когда раскрылись двустворчатые двери и помощник профессора в мятом пиджаке со следами мела на рукавах пригласил последних студентов на экзамен.

Правда, обнаружилось, что оставленный на подоконнике портфель исчез.

– Домовики утащили в комнату забытых вещей, – прояснила староста, неожиданно решившая сдавать экзамен в рядах опоздавших. – Я не знала, вернешься ли ты, и позволила забрать.

– Почему меня это не удивляет? – пробормотала я, при-

страиваясь в самый конец очереди.

Не было ни пера, ни писчей бумаги, ни словаря... ни яблочной карамельки, если вдруг с треском провалюсь и очень захочется заесть горечь поражения сладеньким. Оставалось уповать на ту самую удачу, которой мне сегодняшним утром щедро желали все подряд.

– У меня есть запасное перо. – Староста вытащила из напоясной сумочки закрытое колпачком полное чернил перо и протянула мне. – Бумагу тоже дам, но словарем поделиться не могу. У самой только один.

Карамельку захотелось почти сразу, едва я с исписанным листом в руках встала перед преподавательской кафедрой. Профессор Канахен был сгорблен и иссушен возрастом, сыпал вопросами, морщился и всеми силами демонстрировал, с какой чудовищной силой его бесит мой деревенский говорок, прямо сказать, совершенно не подобающий дочери королевского посла – внучке человека, пять лет прослужившего на полуострове. А я, в свою очередь, старалась не пялиться на седую профессорскую голову с синими прядями. Если бы он догадывался, сколько выдержки требовалось для такой вежливости, то поставил бы мне высший балл просто за силу воли.

– Госпожа Тэйр, у вас – не побоюсь этого слова – непотребный провинциальный акцент! – заключил Канахен, когда с ответом было покончено и пришло время объявить, насколько сильно самая младшая Тэйр опозорила свой драго-

ценный древний род.

Дребезжащий голос разлетелся по аудитории, доведя до истерики тех, кому еще предстояли десять минут персонального позора. Ведь если даже мне прилетело от всей профессорской души, а я, по общему мнению, ходила в любимчиках, что говорить об остальных.

Понимая, что дерзость с надменностью выроют мне очень глубокую могилу, я скромно потупила взор и проблеяла:

– Простите, профессор. Обещаю практиковаться.

– Я лично знал вашего деда! Он был великим человеком! В совершенстве владел не только диалектами, но и разбирался в тонкостях правил поведения, принятых в Норсенте! – пафосно чихвостил меня Канахен. – У вас есть уникальная возможность запросто общаться с носителями языка, а вы что делаете?

– Что? – уточнила я, понятия не имея, как правильно ответить на провокационный вопрос. Вряд ли он имел в виду любовный роман.

– Ничего! – подтвердил догадку Канахен. – Ближе!

Невольнo я сделала к преподавательской кафедре маленький шагок.

– Нужно быть ближе к студентам из Норсента! – прогремели слова профессора, и я немедленно отступила.

И почему нормальное произношение не передается через поцелуи, как простуда? Столько проблем мигom решилось бы! От дурацкой мысли у меня вырвался смешок... в тот мо-

мент, когда Канахен примолк, чтобы набрать в грудь побольше воздуха.

– Госпожа Тэйр! – в дребезжащем голосе появилась неожиданная сила. – Ваш дед в гробу сейчас перевернулся!

– Деда кремировали, – вырвалось у меня. – Наверное, родители подозревали, что когда-нибудь я начну изучать северные диалекты, и подстраховались.

По лицу профессора пошли красные пятна. Как наяву, я услышала грохот молотка, вбивающего последний гвоздь в крышку гроба, где вместо деда Тэйра покоилось мое «хорошо» за экзамен по северному диалекту...

В пустом коридоре, прислонившись поясницей к каменному подоконнику, стоял хмурый и встрепанный Алекс с разбитыми губами. Я помедлила в дверях и, с отвращением отвернувшись, вышла из аудитории. За спиной профессор уже начал издеваться над следующим студентом, даже не дав тому толком поразить мир знаниями северного диалекта (или их отсутствием).

– Как экзамен? – спросил Алекс в тишине.

– Не сдала, – холодно отозвалась я.

– Жаль, – уронил он.

– Не ври.

Пожалуй, одной яблочной карамелькой сегодняшнее утро не заесть! Как минимум понадобится целый кулек, чтобы пережить написание эссе о хороших манерах в Норсенте.

Решительным шагом я направилась вызволять портфель

из комнаты потерянных вещей.

– Шарлотта, постой! – позвал Алекс, не сдвинувшись с места, а когда понял, что я проигнорировала оклик, выкрикнул: – Я сболтнул сегодня лишнего!

Эти слова действительно заставили меня остановиться. Оглядевшись вокруг, не подслушивает ли кто-то, я высказалась:

– Хамство теперь так называют?

– Разве ты не хотела драки, когда у всех на виду целовалась с другим парнем? – Алекс никогда не умел извиняться, только предъявлять претензии.

– То есть мне тоже стоило вцепиться в волосы твоей стипендиатке, а потом наговорить вам гадостей? – быстро спросила я. – Что-то не додумалась.

– Я не хотел тебя обидеть, – поморщился он, наконец сделав в мою сторону несколько шагов.

– Разве табуретка, кресло или кастрюля способны обижаться? – зло бросила я. – Ты ясно дал понять, Алекс, что я никогда тебя не заинтересую, тем более ты никогда не будешь испытывать ко мне никаких чувств, кроме досады. И все равно я пыталась быть тебе хорошим другом. Но ты приравнял меня к вещи! К неодушевленному предмету, демоны тебя дер!

– Шарлотта...

– Помнишь, Алекс, ты сказал, что покончишь с помолвкой до того, как нас обрядят в свадебные одежды? – переби-

ла его. — По-моему, самое время!

Я уходила, а он не останавливал. В ушах тоненько звенело, стук каблуков возвращался тревожным эхом, внутри це-пенело. Не верилось, что между проваленным экзаменом и возвращением сумки я решила поставить точку в болезнен-ных отношениях с Александром Чейсом.

Комната забытых вещей, как и большинство хозяйствен-ных помещений, находилась в подземелье. В замке никогда не экономили ни на тепле, ни на магическом освещении, но в каземате огни светились тускло, а в холодном возду-хе ощущался неистребимый запах влажности. Говорили, что раньше было достаточно вежливо попросить замковых до-мовиков вернуть утаченную вещь, и она немедленно появ-лялась перед хозяином, но кто-то особо одаренный обвинил нечисть в клептомании, и теперь, к радости скучающего хра-нителя-кладовщика, все спускались в мрачный каземат. До-мовики не делали исключений никому, даже преподавате-лям.

Очень удачно я отвертелась от щедрого хранителя, пред-лагавшего «совершенно бесплатно» забрать десяток пере-сохших, переломанных перьев, а когда с возвращенным портфелем на плече начала подниматься из каземата, на лестнице встретила с куратором северян. Хмурый высо-кий человек с неизменной трехдневной щетиной на щеках и длинными волосами, забранными в низкий хвост, мазнул по мне скользящим взглядом и попытался пройти мимо.

– Господин куратор! – Я остановилась.

Он был вынужден помедлить и неохотно повернуться, ведь проигнорировать студентку считалось не просто невежливым, а непедагогичным, что особенно страшно. Пользоваться тем, что преподаватели не желали поступать непрофессионально, особенно в стенах учебного заведения, где им по статусу положено проявлять внимание к школярам, даже к тем, кто бесил с неимоверной силой, я научилась еще в детстве. Исключительно удобное умение.

– Что вы хотели? – сухо спросил он на северном диалекте, тем самым остро, как наточенным карандашом, подчеркивая пренебрежение.

– Возможно, вы знаете, куда отправился Ноэль после кабинета декана? – нейтральным тоном в лучших традициях великосветских гостиных спросила я. На шай-эрском.

– Попробуйте узнать, не отправился ли он собирать вещи домой?

Узел, завязавшийся у меня в животе еще во время драки, стянулся до такой степени, что к горлу подступила желчь.

– Его высылают в Норсент?

Под ледяным взглядом у меня, как от хлесткого северного ветра, запылали щеки.

– Сделайте милость, госпожа Тэйр, – перешел он на шай-эрский, – не доставляйте нам хлопот. Что ж...

Посчитав, что разговор окончен, мужчина кратко кивнул и повернулся ко мне задом, в смысле, спиной, обтянутой

черным пиджаком. Казалось, что широким плечам в нем несколько тесно.

– Господин куратор!

Пусть не думает, что я позволила себя унижить за просто так. Видеть выражение глубокой досады на небритой физиономии вновь обернувшегося куратора было бесценно.

– И все-таки... Ноэлю грозят высылкой на родину?

– Драка с вашим женихом, госпожа Тэйр, не настолько серьезный проступок, чтобы отправиться домой, – ответил он. – Удачного дня.

Куда уж удачнее? К довершению к сегодняшним «успехам» осталось по дороге в пансион сломать ногу – и можно этот день заносить в список самых «счастливых» в уходящем году!

В общежитие, где проживали студенты из Норсента, я направлялась с отчаянной мыслью, что хуже все равно уже не будет. Забегая вперед, могу точно сказать, что оптимисты переоценивают силу положительных мыслей и правильных поступков.

В холле студенческого общежития, в отличие от коридоров учебных корпусов, оказалось неожиданнолюдно. Отсюда открывался завораживающий вид на заснеженные, залитые солнцем скалы, поросшие низкорослым колючим кустарником. Разливалось бескрайнее небо, по-зимнему полупрозрачное и холодное, а внизу, как на ладони, лежал городок. Дух захватывало! Разве что не хватало парящего драко-

на, как на потемневших гравюрах в старинных манускриптах.

Однако жильцы, привыкшие к размаху, величию и простору горных пейзажей, не обращали на них ровным счетом никакого внимания. Вид, конечно, был преотличный, но до цивилизации – развлечений, ярмарок и торговых лавчонок – приходилось добираться полчаса на дилижансе, курсирующем между замком и зданием городской почты.

Я пересекла холл и встала возле схемы общежития, квадратной каменной столешницы, без опоры, лишь с помощью магии, неподвижно висящей в воздухе. Ровными колонками на ней были начертаны фамилии студентов. Отыскав имя «Ноэль Коэн», я прикоснулась к строчке, и на гладкой поверхности появились крупные цифры: этаж и комната. Ниже развернулся план с длинной пульсирующей стрелкой, подсказывающей, в какую сторону от центральной лестницы поворачивать, чтобы не заблудиться в извилистых коридорах.

– Зачем ты его ищешь? – прозвучал резковатый женский голос, говорящий с характерным северным акцентом.

Обернувшись, я обнаружила Рэдмин, студентку из Норсента, с которой пару месяцев назад нам пришлось сдавать совместный проект по азрийскому языку. Она не только подглядывала без капли смущения, но и, дыша возмущением, предъявляла претензии!

Девушка была не одна, а в компании знакомого блондина, следившего за нами с Ноэлем на балу. В смысле, за нашим

поцелуем наблюдали все гости с полуострова, оказавшиеся в ту минуту в коридоре, но этот еще издевательски отсалютовал флягой и особенно запомнился. Думаю, не стоит упоминать, что на ученических танцульках запрещалось любое спиртное, поэтому я оказала ему большую услугу, не заложив декану факультета.

– Ты его секретарь и ведешь запись посетителей? – Я перевела ледяной взгляд с парня на Рэдмин. – Если нет, то не вижу ни одной причины, почему должна отвечать.

– В отличие от тебя, я его друг! – ответила она. – Ты хотя бы представляешь, сколько вы вдвоем с женихом доставили неприятностей?

– Нет, – покачала я головой, – понятия не имею.

– Он не может себе позволить влипать в истории, – процедила она.

– Я, наверное, сейчас тебя расстрою, но Ноэль с большой охотой позволил втянуть себя в историю, – ответила я.

Глаза Рэдмин расширились от гнева. Волосы вспыхнули. Она шагнула ко мне, но блондин тяжело и как-то по-особенному веско положил ей на плечо руку:

– Мина, уймись.

– Не надо меня успокаивать, Эйнар! – рыкнула она, сбрасывая руку. – Что-то ты не торопишься его останавливать, когда он влип в неприятности. В конечном итоге все закончится плохо! Она превратится в огромную проблему!

Северяне говорили на родном языке, но я сегодня так

сильно устала от диалекта, что не утерпела и огрызнулась:

– И еще она тебя неплохо понимает.

– Можно подумать, я об этом не догадываюсь, – прошипела девушка, поблескивая злыми глазами.

– Раз можно, то хорошо подумай, Рэдмин, – осек ее приятель, неожиданно встав на мою сторону. – Ноэлю не понравится, что ты лезешь в чужие дела.

Она поменялась в лице, прошипела какое-то незнакомое слово, похоже, непере译имое на шай-эрский язык ругательство, и сорвалась с места. Быстрой походкой начала пересекать просторный холл. Длинные волосы, разметавшиеся по спине, покачивались в такт шагам. В каждом движении стройной девушки, в том, как она обгоняла зазевавшихся соседей по общежитию, чувствовалось раздражение. Казалось, что из-под каблуков посыплются искры, но обошлось без огненных эффектов.

– Она права, – прервал молчание блондин, заставив меня повернуть голову. – Тебе не стоило приходить к Ноэлю.

– Почему бы тебе не последовать собственному совету и не лезь в чужие дела?

– В любом случае он сейчас у куратора, – с легкостью соврал парень мне в глаза. – Но если хочешь, чтобы я ему что-нибудь передал, то говори.

Некоторое время я молча рассматривала наглого вруна, но уличать его во лжи не собиралась.

– Просто передай, что я приходила.

В пансион вернулась засветло с извозчиком, служащим при академии. Особняк был погружен в тишину. Некоторые девочки уже уехали на каникулы, другие сдавали экзамены, а мадам Прудо вообще спускалась с третьего этажа исключительно к ужину или ради прогулки с химерой, год назад неожиданно превратившейся из канарейки в ярко-желтую собачку. Мадам жутко бранилась, потому как не представляла, что безобидная певунья не совсем птица.

Мозгов у собачки все равно осталось как у канарейки. Бывшая пернатая по привычке ненавидела домовика и, как не в себе, гоняла по дому, вынуждая прятаться в женских спальнях. Вот и сейчас, свернувшись клубком, в образе облезлого серого кота он спал на моей кровати и лениво приподнял голову на звук открывшейся двери.

– Дрыхнешь? – буркнула я.

Кот поднялся, выгнул спину, со вкусом потянулся и взорвался серым дымком, не оставив следов на аккуратно застеленном горничной покрывале.

Едва я успела стянуть верхнюю одежду и поменять теплые полуботинки на домашние туфли, как в комнату без стука вошла Зои. В руках она держала две бутылки темного стекла с нетронутыми пробками. Выглядела подружка бледненькой, но голос звучал бодрее, чем накануне:

– Какие новости? У нас траур или праздник?

Сначала она продемонстрировала бутылку с черемуховой настойкой, традиционной для поминального стола, а потом,

если судить по этикетке, с дорожающим игристым вином с колючими пузырьками и благородным кисловатым вкусом.

Я предпочитала напитки послаще и точно не приторную черемуховую гадость, но Зои, дочь владельца трех десятков элитных винных погребков, искренне верила, что вульгарные сладкие вина оскорбляют чувства людей со вкусом и подходят исключительно для храмовых ритуалов. Она считала, будто в нашей семье отметился какой-нибудь лакей, но после знакомства с моей мамой уверилась, что наше аристократическое семейное древо аристократично до корней, а любовью к плебейским напиткам я обязана незнакомому прадедушке-храмовнику. Такого, к слову, тоже не имелось.

– Экзамен не сдала, – стаскивая форменный пиджак, буркнула я.

– Значит, траур. – Печально вздохнув, она посмотрела на бутылку с черемуховой настойкой.

– Но решила разорвать помолвку.

Говорить эти слова было очень странно и даже чуточку страшно, но произнесенные вслух они становились реальными.

– Значит, праздник! – весело воскликнула Зои.

Безусловно, она не верила, что я действительно решусь разорвать проклятое обручение, и только поэтому не засыпала меня вопросами.

– И к завтрашней переэкзаменовке мне надо написать эссе, – закончила я.

– Значит, придется смешать, – покачала головой подруга, разглядывая разом обе бутылки и словно высчитывая в уме безопасную пропорцию, чтобы после возлияний не отъехать вперед ногами в божественные чертоги.

– Поможешь написать эссе? – вежливо намекнула я, что готова и смешивать, и пробовать спорный коктейль только после готовой работы для Канахена.

– Вообще, странно отмечать заранее, правда? А завтра утром родители пришлют за мной карету...

Она отвернулась и пристроила бутылки на поднос с графином воды, чтобы вредный домовик не спрятал алкоголь в кухонный буфет мадам Прудо, откуда извлечь его будет так же нереально, как получить похвалу от моей мамы. Просто не докажешь, что бутылку не купила сама мадам.

– Кстати, Алекс в курсе, что ты его бросила? – обронила Зои небрежным тоном.

– Да.

От неожиданности та вдруг зазвенела хрусталем и резко развернулась:

– Чарли, ты серьезно решила разорвать помолвку?

– Вполне, – сдержанно согласилась я. – Вечером напишу отцу.

Глаза подруги вспыхнули неподдельным интересом. Обсуждать разрыв с Алексом было выше моих сил. Точно не сегодня!

– Прости, Зои, но мне нужно заниматься, – попыталась я

выставить ее из спальни. Еще стоило пообедать, но аппетита не было.

– Если вдруг захочешь поплакать, то я в соседней комнате, – напомнила она.

– Спасибо.

Зои вышла, аккуратно прикрыла дверь. Я даже успела расстегнуть верхние пуговицы на платье, как она ворвалась обратно и протараторила, рискуя снова сорвать простуженное горло:

– Как хорошая подруга и просто деликатный человек я обязана дожждаться, когда ты сама поделишься, почему решила устроить бунт на корабле, но если хочешь пообедать вместе и рассказать, то я готова пообедать второй раз.

– Буду благодарна, если ты передашь кухарке, что я не буду есть, – дала я понять, что сегодня девичника – ни поминального с горькой настойкой, ни праздничного с благородным вином – не планирую.

– Хорошо, – послушно согласилась Зои. – Вернее, очень плохо. Я помру на каникулах от любопытства! Поэтому если не хочешь смерти лучшей подруги, то просто скажи... Это из-за северянина?

– Из-за меня.

Зои никогда не считала краткость сестрой таланта или признаком хорошего воспитания и изогнула бровь, ожидая продолжения.

– Полагаю, я все-таки достойна чего-то большего, чем

брак с женщиной, который считает меня предметом интереса.

– Главное, не передумай, – посоветовала она.

– Ни за что!

Но сказать оказалось сложнее, чем сделать! Переодевшись в домашнее, я уселась перед секретером и... начала тянуть, как обычно это случалось перед особенно неприятным делом. Сначала забрала из светившейся почтовой шкатулки письмо от мамы, требующей срочного отчета, как прошел экзамен. Не испытывая мук совести, соврала, что его перенесли на завтрашний день. Потом пару часов убила на эссе.

На улице совсем стемнело. Погрузился в крошечный мрак заваленный снегом сад, ослепли окна. В стеклах отражался свет настольной лампы и торшера на длинной ножке, стоящего возле кресла. Письмо к отцу нависало надо мной, словно грозовое облако, не давало покоя и заставляло то и дело отвлекаться.

Смирившись с тем, что ничего путного Канахену написать не выходит, я расправила чистый лист, подложила промокашку и быстро вывела чернильную ровную строчку: «Я хочу разорвать помолвку». Аккуратно сложила, запечатала сургучом. Осталось только отправить папе, и дело сделано...

В гробовой тишине раздался стук в дверь.

– Госпожа Шарлотта! – позвала из коридора горничная. – К вам пришел молодой человек.

Письмо осталось лежать на секретере, а я вскочила со сту-

ла и бросилась открывать с такой проворностью, словно сиденье кусалось, а послание отцу рычало, отгоняя от почтовой шкатулки.

Служанка оказалась расторопнее меня и успела улизнуть. Выяснить, кто заявился в потемках, не удалось, но в коридор немедленно выглянула Зои. За ее спиной был виден раскрытый дорожный сундук, стоящий прямо на ковре, и гора сваленной на кровать одежды. Подружка словно собиралась не домой на недельку, а зимовать к любимой троюродной тетушке.

– Чарли, – менторским тоном с серьезной миной вымолвила подруга, – помни, что ты не хочешь передумать, и отправь своего бывшего жениха восвояси!

О том, что Алекс станет бывшим, как только мне хватит смелости отослать отцу письмо, я решила мудро промолчать и повернула на лестницу.

Внизу, в холле, меня дожидался Ноэль.

Глава 3

Неидеальная Чарли Тэйр

В белом свете магических ламп он выглядел как будто ненастоящим. Одетый красиво, но не по здешней моде: в широкое пальто, из-под которого виднелся свитер с высоким горлом, и мешковатые брюки без стрелок. Волосы были собраны в небрежной пучок, глаза казались очень темными, почти черными, на бледном лице резко выделялась разбитая бровь. Не мигая, он следил за тем, как я спускаюсь.

– Ноэль, как ты здесь?.. – растерянно спросила я, от удивления забыв поздороваться.

– Слышал, что ты меня искала.

– Ты из-за этого приехал?

Мы оба понимали, что преодолеть путь от академии до пансиона, чтобы просто узнать, на кой демон я заявила в общежитие, не очень-то нормально.

– Нет. Я хотел тебя видеть.

Обезоруживающая прямота, пристальный взгляд, голос, звучащий красивее, чем мне запомнилось, спокойная уверенность, исходящая от высокой фигуры, – абсолютно все в нем заставляло мое сердце совершенно неприлично колотиться в груди. Даже не в груди, а где-то в горле.

Я сделала глубокий вздох, чтобы что-нибудь сказать, но

вдруг из закрытой гостиной донеслись шепотки и сдавленное тоненькое хихиканье. Очевидно, за нами следил вовсе не домовик. Ручки на высоких двустворчатых дверях истерично крутились. Девчонки висели на них, что ли?

Мы с Ноэлем обескураженно переглянулись.

– Послушай, Чарли, – он перешел на северный диалект, видимо, ради конспирации, – я не очень хорошо знаю город, но, может быть, прогуляемся?

– Я не могу, – с сожалением покачала головой.

– Ясно. – Он замялся, видимо, почувствовав себя по-дурачки. – Извини, что предложил.

– Господи, нет же! Ты неправильно понял! – всполошилась я и даже замахала руками, чего, на моей памяти, вообще никогда себе не позволяла. – Я с радостью прогулялась бы, но завтра пересдача, а в эссе для Канахена написано без ошибок одно слово «эссе». И то на шай-эрском.

– Ты не успела на экзамен?

– Незамысловато провалила, – покачала я головой. – Профессор посчитал мой акцент непотребным.

Губы Ноэля дрогнули, но он зачем-то сдержал улыбку. Видимо, догадался, что смеяться, когда девушка страдает, не очень-то красиво. Зря!

– Нужна помощь? – предложил он.

– Хочешь убить вечер на бесплатное репетиторство?

– Отчего же бесплатное? – усмехнулся он. – Если завтра сдашь экзамен, то будешь должна мне прогулку. По рукам?

— По рукам, — не колеблясь ни секунды, согласилась я.

— Девочки, я вообще не понимаю, о чем они говорят, но уже хочу упасть в обморок! — раздался из-за двери громкий шепот соседки с первого этажа.

Ради приличий мы с Ноэлем устроили урок северного диалекта в столовой. Можно сказать, у всех на виду, чтобы ни одна благородная девица не заподозрила нас в чем-то по-существеннее написания эссе. Все равно большая комната с длинным столом частенько заменяла моим соседкам общий кабинет для занятий.

Однако появление северянина, о котором пансион сплетничал все выходные, вызвало нешуточный переполох на всех трех этажах. Соседки сновали туда-сюда, не давая ни поговорить, ни сосредоточиться на злосчастном сочинении. Даже домовик из любопытства отметил: пробежал шустрой рысцой поперек комнаты и с противным мяуканьем вошел в посудную горку, оставив после себя облачко серого дыма.

Но Зои переплюнула всех! Она представилась моей лучшей подругой, уселась на противоположном конце стола и, прихлебывая теплое молоко с медом, начала делать вид, будто почитывает роман, еще в прошлом году купленный в книжной лавке на библиотечной площади. Книгу эту три раза по кругу прочитали всем пансионом!

Шпион из простуженной подружки вышел так себе: когда она одобрительно подняла вверх большой палец, Ноэль повернул голову. Последовала странная пауза. Зои покраснела

так, словно ни с того ни с сего показывала неожиданному гостю неприличный жест. Она попыталась оттопыренным пальцем почесать нос, но вышло еще хуже. Оставалось только опустить руку и удалиться из столовой.

– Ой, книжку-то я уже читала, – с дурацкой улыбкой объявила она и поднялась из-за стола. – Было приятно познакомиться, господин Коэн. Жаль, что нашей Вербены нет дома.

С загадочным видом подружка закрыла за собой дверь.

– Вербена – это не растение? – уточнил «господин Коэн».

– Третья соседка по этажу, – подсказала я.

– У тебя забавные соседки... и имена у них интересные, – прокомментировал он и наконец сосредоточился на эссе.

С задумчивым видом он скользнул глазами по строчкам, а потом начал исправлять ошибки, и я попала в ученическую преисподнюю. Каждый раз, когда самописное перо острием выводило очередную позорную правку, мне, как на уроке грамоты, хотелось забраться под пол и сверху заложить себя паркетными дощечками.

– И как? – вытягиваясь на стуле и заглядывая в исчерканный листок, спросила я.

– У тебя красивый почерк.

– Долго тренировалась. Ты скажи про эссе.

– Совсем не дается северный диалект, принцесса? – с фальшивым сочувствием протянул Ноэль и в очередной раз невозмутимо подрисовал в слове пропущенную букву.

– Может, ты просто напишешь, как надо, а я перепишу, –

шустренько придумала я, по-моему, самый лучший способ подготовки к экзамену.

Ноэль бросил на меня фальшиво-укоряющий взгляд:

– Это неспортивно.

– Наплевать! – воскликнула я. – Поздно заботиться о гордости! В этом соревновании я продула еще на старте. Если ты напишешь эссе, я не буду чувствовать себя униженной, а приму его с большой благодарностью.

– Смотрю, ты вообще любишь мошенничать, принцесса.

– А если я завтра не сдам? Придется отменить прогулку, – развела я руками.

– Мы отменим прогулку и будем заниматься диалектом все каникулы, – предложил он, как-то ловко перебив шантаж весьма соблазнительным предложением. – У тебя много планов на каникулы, Чарли Тэйр?

– Никаких, – без колебаний ответила я, мысленно отправив письмо отцу и избавив себя от праздничной недели в родовом поместье Чейсов. Даже почувствовала облегчение, хотя еще ничего не сделала. – К слову, профессор Канахен советовал ближе общаться с носителями языка. Сказал, что это исправит мой провинциальный акцент.

– У тебя очаровательный акцент, – хмыкнул Ноэль.

– И я так думаю! Но увы, профессор с нами не солидарен.

– Значит, все к лучшему, – с улыбкой заметил Коэн и вдруг начал быстро дописывать мое эссе мелким, но твердым почерком.

Некоторое время я смотрела, как перо скользит по бумаге. На лицо парня падали темные волосы, и в свете люстры на два десятка магических огней мерцали русые пряди. В ушном своде по-прежнему блестел золотой шарик.

– Парни с факультета высшей магии просили передать, что искренне извинились и я их простила, – отвлекла я Ноэля от работы.

– А ты их простила? – бросил он взгляд искоса.

– Конечно! Я же потратила их деньги на сирот!

– Почему ты выбрала благотворительность?

– Никогда не была щедрой за чужой счет. Неудержимо захотелось попробовать. – Я дернула плечом. – Так что, Ноэль, выходит, ты умеешь держать людей в страхе?

– Разве я виноват, что некоторые очень пугливы? – усмехнулся он.

– Тогда почему ты позволил Алексу себя избить? – кивнула я, намекая на разбитую бровь и синяк на скуле, заметный с близкого расстояния.

– Не догадываешься?

Он перевел на меня серьезный взгляд. Возникла долгая и тяжелая пауза. Смотреть ему в глаза было неловко, и я опустила голову, принялась изучать собственные руки, спрятанные под крышкой стола. Ничего нового не обнаружила: тот же сдержанный маникюр с короткими аккуратными ногтями, серебристая нить, неуместно светящаяся сквозь рукав домашнего платья.

– Мне очень, очень жаль, что я втравила тебя в эту дурацкую историю! – быстро проговорила я. – Не думала, что Алекс вдруг взбесится и накинется на тебя с кулаками. Такие последствия мне даже в голову не пришли.

– Ты что сейчас делаешь? – тихо спросил он, когда проникновенная речь закончилось.

– А? – очень по-умному уточнила я, резко подняв голову. Он выглядел по-настоящему озадаченным.

– Не пойму, Чарли, почему ты извиняешься?

– Но ведь у тебя неприятности из-за меня, – тоже ровным счетом ничего не понимая, напомнила я.

– Из-за тебя? – переспросил он, словно пытался разобраться в сложной головоломке, но никак не мог уловить ее суть. – Нет, Чарли, так не пойдет...

Он даже покачал головой и с преувеличенной аккуратностью, словно боялся швырнуть, отложил на стол самописное перо.

– Как бы тебе объяснить... Я всегда принимаю осознанные решения, – быстро сказал он, похоже, не заметив, что перешел на диалект. – Было бы малодушием перекладывать их последствия на других, особенно на тебя.

В растерянности я смотрела на северянина, не до конца понимая, что он говорил. В голове зло и издевательски кричал голос Алекса, словно стоящего в дальнем углу столовой и бросающего обвинения: «Разве *ты* не хотела драки?»

– Что бы ты ни думала о ваших отношениях с Алексан-

дром Чейсом, я в полной мере осознавал, что целовал чужую невесту, Чарли. – Ноэль пытливно заглядывал мне в лицо. – А если бы ты позволила и не сбежала с бала, то поцеловал бы еще не один раз.

Сама не знаю отчего, но мне вдруг стало ужасно обидно, что в пятницу я струсил и действительно дала деру.

– Держи... – Он вновь перешел на шай-эрский с ужасно сексуальным акцентом.

Я вздрогнула, словно выходя из-под одурманивающего разум заклятия черной магии, и растерянно спросила:

– Что держать?

– Твое эссе. – Он подвинул пальцем исписанный лист. – Уверен, ты сможешь переписать его без ошибок.

– Будет лучше, если ты проверишь! – выпалила я с такой поспешностью, словно Ноэль уже был на полпути к входной двери, а мне хотелось провести вместе еще чуточку времени.

Его губы дрогнули в тщательно спрятанной улыбке:

– Хорошо.

Он ушел перед ужином, когда эссе было полностью закончено и переписано начисто три раза. Больше причин остаться не нашлось, а угроза оказаться за одним столом с десятком любопытствующих девиц становилась реальнее с каждой минутой промедления. Входная дверь проводила гостя переливчатым звоном колокольчика.

Прижимая к груди папку с записями, я стремглав поднялась в спальню и первым делом недрогнувшей рукой броси-

ла в почтовую шкатулку сложенное квадратом, запечатанное сургучом письмо к отцу.

Собираясь на следующее утро в академию, я то и дело кидала нервные взгляды на секретер, но почтовая шкатулка, стоящая на полке, загадочно молчала. Похоже, папа решительно взял паузу, чтобы обдумать щекотливую ситуацию. Но мы жили не в темные времена первородного языка, никто не мог насильно выдать меня замуж ни за Александра Чейса, ни за любого другого мужчину. Своим посланием я не спрашивала разрешения, а ставила в известность и... уехала без ответа из далекого Эл-Бланса.

Номер аудитории, где профессор Канахен планировал принимать пересдачу, пришлось выяснять на информационной доске в холле учебного корпуса. Между собой мы называли ее «доской позора», сюда вечно вывешивали списки должников, выговоры, странные приказы и прочую ерунду, которую, один раз увидев, хотелось немедленно забыть. Возле объявления, написанного рукой профессорского помощника, висела кривовато выдранная из блокнота страничка с запиской.

Я мазнула невидящим взглядом по чужому посланию, написанному северным диалектом, но замерла, вдруг обнаружив под незнакомым выражением знакомые инициалы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.